

Книга года по версиям
NEW YORK TIMES,
SAN FRANCISCO CHRONICLE,
SAN JOSE MERCURY NEWS,
LOS ANGELES TIMES

Настройщик

ДЭНИЕЛ
МЕЙСОН

роман

Дэниел Мейсон

Настройщик

«Фантом Пресс»

2002

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Мейсон Д.

Настройщик / Д. Мейсон — «Фантом Пресс», 2002

ISBN 978-5-86471-928-2

Эдгар Дрейк всегда считал, что он не создан для приключений. Один из лучших лондонских настройщиков фортепиано, он ведет размеренную и спокойную жизнь, в которой нет места потрясениям. Настраивая музыкальные инструменты, Эдгар борется с хаосом, гармония и упорядоченность для него составляют суть красоты. Но однажды все меняется. Настройщику предлагают отправиться в загадочную Бирму, в самый удаленный форпост Британской империи, эксцентричный командир которого выписал себе изысканное фортепиано “Эрар”. Во влажном климате диких джунглей инструмент растерял свое музыкальное совершенство. Путешествие Дрейка в Азию становится не только путешествием в неведомый и странный мир, но и поиском гармонии в мире, которым правит хаос. Это будет странное приключение, в котором скромный настройщик фортепиано станет героем собственной жизни.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-928-2

© Мейсон Д., 2002
© Фантом Пресс, 2002

Содержание

Книга первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дэниел Мейсон

Настройщик

Моей бабушке Галине

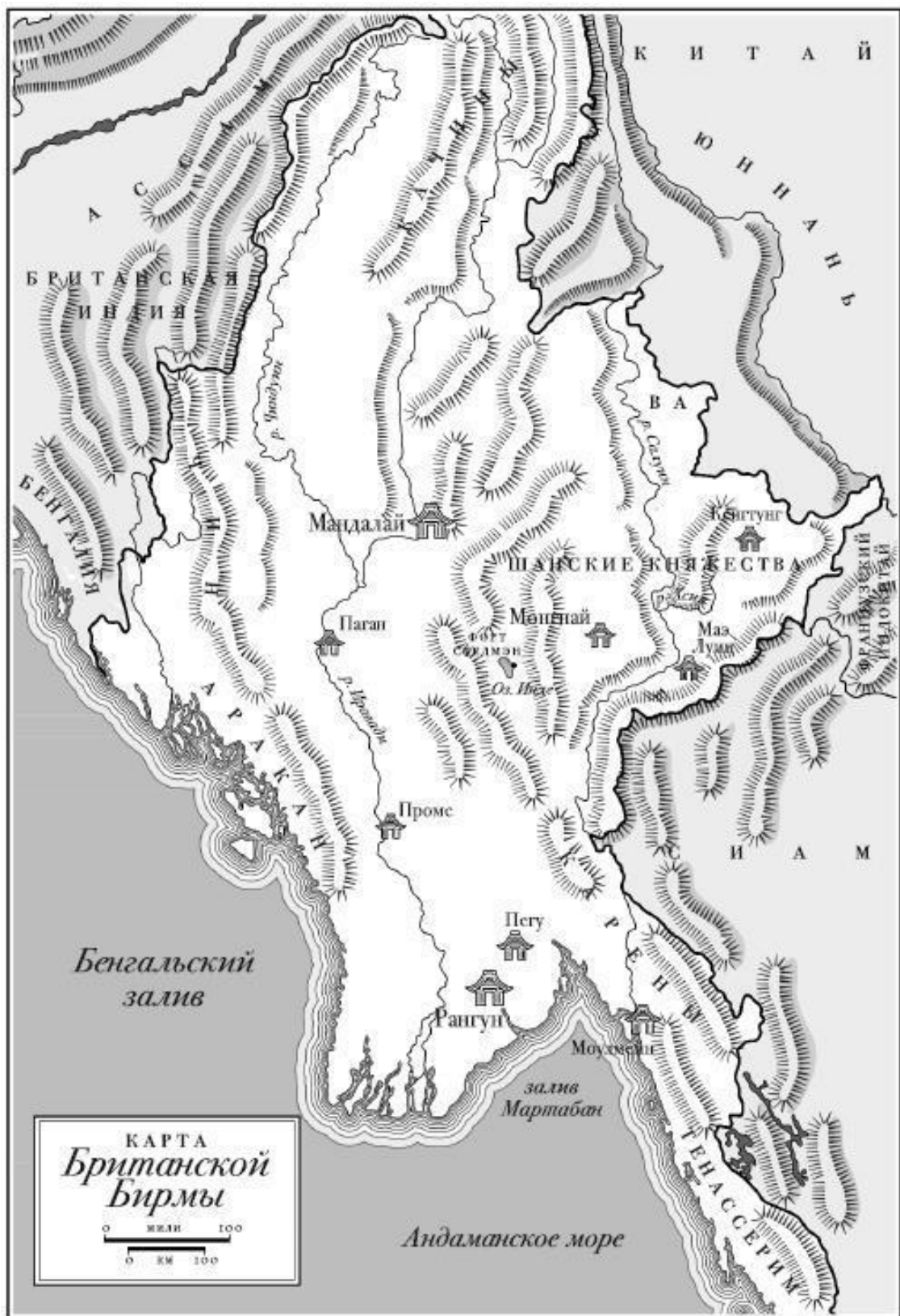
*О братья, – так сказал я, – на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят
Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!)*

Данте, Ад, песнь ххvii

*Чтобы постичь в музыке гармонию, вначале нужно изучить
диссонанс.)*

Плутарх

The Piano Tuner by Daniel Mason
Copyright © 2002 by Daniel Philippe Mason

Книга издана при содействии Fletcher & Company и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского Марии Кульневой

phantom press

- © Мария Кульнева, перевод, 2007, 2022
© Андрей Бондаренко, оформление, 2023
© “Фантом Пресс”, издание, 2023

В последние краткие мгновения сознания Бирма приходила к нему в образах солнца и женского зонтика. Раньше он размышлял над тем, какие образы сохранит память: кофейные волны Салуина после грозы; развешанные на берегу рыбацкие сети в предрассветном сумраке; свечение молотой куркумы; петли лиан в джунглях... Долгие месяцы эти видения трепетали перед его глазами, то вспыхивая и угасая, как пламя свечи, то настойчиво появляясь вновь и вновь, словно товары, что протягивают торговцы на базаре. А иногда просто проплывали мимо – силуэты, размывающиеся в тумане, точно повозки бродячего цирка, и в каждом из них под пологом скрывались истории, в которые не всегда удавалось сразу поверить – не из-за явной несуразицы сюжета, а потому лишь, что не могла Природа допустить такой концентрации красок в одном месте, прочие части мира оставив обворованными и опустошенными.

Но над всеми этими видениями вставало солнце – обжигающее, заливающее все образы ослепительно белым светом. Бедин-сайя, толкователь снов, сидевший в тенистом, пропитанном запахами углу рынка, рассказал, что солнце, встающее над Бирмой, – иное, чем то, что светит всему остальному миру. Чтобы в этом убедиться, достаточно лишь посмотреть здесь на небо. Увидеть, как солнечные лучи заливают дороги, заполняя каждую трещину, уничтожая тени, разрушая перспективу и все видимые свойства предметов. Увидеть, как оно сияет, дрожит, пламенеет, как теряется в мглистой дымке и сворачивается по краям горизонта, словно брошенный в камин дагерротип. Как оно расплавляет небо, баньяны, тяжкий воздух, человеческое дыхание, легкие, кровь. Как с далеких караванных путей забредают миражи и скручивают тебе руки. Как шелушится и трескается кожа.

Сейчас это солнце повисло над пустынной дорогой. Под ним, закрываясь зонтиком, идет одинокая женщина, ее тонкое ситцевое платье треплет ветер, ее босые ноги несут ее все дальше, к пределу восприятия. Он смотрел, как она, одинокая, приближается к солнцу. Он хотел окликнуть ее, но не смог издать ни звука.

Женщина уходила в миражи, в призрачный блеск света и воды, который у бирманцев называется “тхан хлат”. Воздух дрожал вокруг нее, дробил на части ее фигуру, мелькая и закручиваясь вихрями. А потом и она исчезла. Остались только солнце и зонтик.

Военное министерство

Лондон

24 октября 1886

Уважаемый мистер Дрейк,

Мои служащие сообщили, что Вы получили наше предложение о сотрудничестве во имя Ее Величества королевы, но Вас еще не проинформировали о сути Вашей миссии. Этим письмом я хочу разъяснить специфику и неотложность дела, о котором идет речь, а также попросить Вас как можно скорее сообщить в Министерство, где и когда Вам будет удобно встретиться с полковником Киллианом, руководителем Бирманского отдела, а также со мной.

Краткая справка по данному вопросу. Как Вам, должно быть, известно, с момента нашего завоевания приморских районов Бирмы шестьдесят лет назад и вплоть до недавнего присоединения Мандалая и Верхней Бирмы Ее Величество рассматривает миротворческую миссию на данной территории как имеющую ключевое значение для обеспечения интересов Империи во всей Азии. Несмотря на наши военные победы, некоторые сегодняшние тенденции могут представлять серьезную угрозу нашим завоеваниям в Бирме. Последние разведывательные данные подтвердили сведения о консолидации французских сил в Индокитае в районе Меконга, в то время как в самой Бирме местные подрывные элементы угрожают нашим позициям в отдаленных районах страны.

В 1869 году, в период правления бирманского короля Миндон Мина, мы послали в Бирму военного врача, майора медицинской службы Энтони Кэррола, получившего степень в Университетском госпитале в Лондоне, который в 1874 году был командирован на отдаленный пост в Шанских княжествах, что на самых восточных рубежах колонии. С момента своего прибытия на место майор Кэррол стал поистине незаменимым человеком для нашей армии, его деятельность далеко выходила за рамки прямых врачебных обязанностей. Он добился замечательного прогресса в заключении союза с местными князьями, и, несмотря на удаленность от нашего командования, его пост обеспечил доступ на юг плато Шан и своевременное и успешное развертывание сил у сиамской границы. Подробности деятельности Кэррола исключительны, и Вас введут в курс дела, когда Вы сообразовите ответить на наш запрос. Беспокойство Ее Величества в настоящий момент вызывает крайне необычное послание, полученное от майора в прошлом месяце, последнее из ряда несколько шокировавших нас писем, касающихся фортепиано.

Причина нашего беспокойства в следующем: хотя мы привыкли к своеобразным запросам майора, имеющим отношение к его медицинским исследованиям, мы были в высшей степени озадачены письмом, которое получили от него в прошлом декабре, в письме содержалось требование незамедлительно приобрести и доставить ему концертный инструмент “Эрар”. Поначалу командование Мандалайского гарнизона отнеслось к такому требованию скептически, но спустя два дня с курьером было доставлено второе письмо, в котором Кэррол настаивал на серьезности своей просьбы, похоже предвидя сомнения моих коллег. В ответ на отправленное ему послание, в котором говорилось о том, что доставка концертного фортепиано не представляется возможной из чисто транспортных соображений, от майора через неделю прибыл очередной запыхавшийся курьер. Он доставил короткое письмо, содержание которого заслуживает быть воспроизведенным полностью:

Господа,

С глубоким уважением к вашему Министерству, я тем не менее вынужден повторить свой запрос касательно фортепиано. Я прекрасно осведомлен о степени важности моего поста для обеспечения безопасности всего региона. Я вынужден довести до вашего сведения, что если вы, несмотря ни на что, все-таки откажетесь удовлетворить мой запрос и инструмент не доставят мне в течение трех месяцев, я откажусь от своего назначения. Я уверен, что *в случае*

моего возвращения в Англию мой ранг и годы безупречной службы обеспечат мне достойное вознаграждение и прочие соответствующие привилегии.

Майор медицинской службы Энтони Дж. Кэррол, Маэ Луин, Шанские княжества

Можете себе вообразить, какую бурю эмоций вызвало это письмо среди наших служащих. Майор всегда был преданным слугой Короны; его отчеты выше всяческих похвал, однако он прекрасно сознавал степень важности для нас его поста и союза, заключенного с местными князьями, а также и то, сколь большое значение имеет такой союз для любого европейского государства. После некоторых споров мы все-таки согласились удовлетворить его просьбу, и в январе концертное фортепиано “Эрар” 1840 года выпуска было отправлено из Англии, в начале февраля прибыло в Мандалай, откуда до места его доставили слон и носильщики под присмотром самого майора Кэррола. Хотя вся эта затея вызвала исключительное недоумение у некоторых наших бирманских служащих, она оказалась успешной. В последующие месяцы Кэррол продолжал свою безупречную службу, добившись поразительного прогресса в изыскании путей торгового сообщения на плато Шан. Но в прошлом месяце поступил новый запрос. Из него стало ясно, что корпус “Эрара” пострадал от влажности и инструмент оказался расстроен, причем все попытки исправить положение собственными силами потерпели неудачу.

И тут мы подходим к сути данного письма. В своем послании майор Кэррол особо настаивает на том, чтобы к нему прислали мастера, специализирующегося на концертных “Эрарах”. Мы ответили, что, возможно, существуют какие-то более простые пути разрешения проблемы, однако майор стоял на своем. Наконец мы согласились выполнить его просьбу и выяснили имена нескольких лучших лондонских настройщиков. Как Вам, должно быть, известно, большинство Ваших коллег находятся уже в преклонном возрасте и не осилят долгое путешествие. Более детальные изыскания заставили нас остановиться на двух возможных кандидатурах – Вашей и мистера Клода Хастингса из Поултри. Так как Вы слывете экспертом по “Эрарам”, мы решили, что Вы нам подходите. Если же Вы отклоните нашу просьбу, нам придется связаться с мистером Хастингсом. Корона готова заплатить Вам за трехмесячную командировку сумму, эквивалентную годовому заработку.

Мистер Дрейк, учитывая Ваш талант и опыт, мы считаем Вас достойным этой крайне важной миссии. Мы нижайше просим Вас по возможности скорее связаться с нашим ведомством, чтобы обсудить данный вопрос.

Искренне Ваш,

полковник Джордж Фитцджеральд, помощник начальника Управления военных операций по Бирме и Ист-Индии

Приближался вечер. Солнечные лучи через маленькое окошко освещали помещение, заполненное деталями музыкальных инструментов. Эдгар Дрейк, настройщик, специалист по роялям “Эрар”, положил письмо на стол. Концертное фортепиано 1840 года – чудесный инструмент, подумал он, аккуратно свернул письмо и опустил его в карман сюртука. А Бирма – очень далеко.

Книга первая

Фуга [от французского fugue, адаптированное итальянское fuga, буквально “полет”; латинское fuga, однокоренное к figere, исчезать, пролетать] 1. Полифоническая музыкальная пьеса, состоящая из одной или более коротких тем, сочетающихся по законам контрапункта и развивающихся в нескольких контрапунктических вариациях. 2. Психиатрическое: состояние потери самоидентификации...)
Оксфордский словарь английского языка; второе издание (1989)

1

Рабочий день в кабинете полковника Киллиана, начальника Управления военных операций Бирманского гарнизона Британской армии, был в самом разгаре. Эдгар Дрейк сидел на стуле у двух потемневших от времени и дребезжащих отопительных труб и смотрел в окно на дождевые струи. С другой стороны кабинета размещался сам полковник – плотный загорелый мужчина с копной рыжих волос и густыми пушистыми усами, оттенявшими пронзительные зеленые глаза. Позади него на стене висели копье африканских воинов банту и расписной щит, сохранивший следы ударов вражеского оружия. Полковник был облачен в пурпурный форменный мундир, отороченный черным шерстяным галуном. Это запало в память Эдгара, потому что галун напоминал полосы на шкуре тигра, а пурпурный цвет делал зеленые глаза еще зеленее.

Прошло несколько минут с того момента, как полковник вошел в кабинет, придвинул кресло к полированному столу красного дерева и начал перебирать стопку бумаг. Наконец он поднял глаза. Из-под усов раздался густой баритон:

– Извините, что заставил вас ждать, мистер Дрейк. Мне необходимо было прояснить один вопрос.

Настройщик отвернулся от окна.

– Конечно, полковник. – Он коснулся пальцами шляпы, лежащей на коленях.

– Если не возражаете, давайте приступим прямо к делу. – Полковник подался вперед. – Прежде всего, добро пожаловать в Военное министерство. Я полагаю, это ваш первый визит к нам. – Не дав настройщику времени ответить, он продолжал: – Лично от себя и от моих сослуживцев благодарю вас за внимание, которое вы уделили вопросу, имеющему для нас огромное значение. Мы подготовили для вас необходимые материалы касательно подоплеку этого дела. Если не возражаете, на мой взгляд, лучше всего будет, если я вначале обобщу для вас самую суть. Когда вы лучше познакомитесь с деталями, мы сможем обсудить любые возникшие у вас вопросы. – Он положил ладонь на стопку бумаг.

– Благодарю вас, полковник, – негромко ответил настройщик. – Не могу не признать, что ваше предложение заинтриговало меня. Это самая необычная просьба, с какой ко мне когда-либо обращались.

Усы по ту сторону стола зашевелились.

– Дело и впрямь крайне необычное. Нам нужно обсудить многое касательно этого вопроса. Если вы еще не догадались сами, могу сказать, что дело касается не только инструмента, но не в меньшей степени человека. Поэтому я начну с самого майора Кэррола.

Настройщик кивнул.

Усы снова шевельнулись.

– Мистер Дрейк, я не буду докучать вам подробностями юности Кэррола. На самом деле его биография достаточно туманна, и нам самим не многое известно. Он родился в 1833 году, в ирландской семье, его отец, Томас Кэррол, преподавал греческую литературу в пансионе в Оксфордшире. Хотя семья никогда не была богатой, сын унаследовал от отца тягу к знаниям, он блестяще учился и затем покинул родительский дом, чтобы изучать медицину в Лондонском университетском госпитале. Получив степень, он, в отличие от большинства, не занялся частной практикой, а попросил о назначении в провинциальную больницу для бедных. Об этом периоде жизни Кэррола, как и о более раннем, у нас тоже сведения довольно скудные, мы знаем только, что он оставался в провинции пять лет. В это время он женился на местной девушке. Брак, увы, оказался недолгим. Жена его скончалась родами вместе с ребенком, и Кэррол, овдовев, больше не женился.

Полковник прочистил горло, взял в руки другой документ и продолжил:

– После смерти жены Кэррол вернулся в Лондон, где занял место врача в приюте для бедных в Ист-Энде во время эпидемии холеры. Но там он прослужил всего два года. В 1863 году он поступил на военную службу в качестве хирурга.

Вот с этого момента, мистер Дрейк, наша история становится более полной. Кэррол был командирован в Двадцать восьмой Бристольский пехотный полк, но уже через четыре месяца попросил о переводе в колониальные силы. Просьба была удовлетворена незамедлительно, и его определили заместителем главного врача в военном госпитале в индийском Сахарапунра¹. Там он быстро заслужил репутацию не только превосходного врача, но человека, склонного к некоторому авантюризму. Он часто сопровождал экспедиции в Пенджаб и Кашмир, где подвергался опасностям со стороны не только местных племен, но и русских агентов. Это постоянная проблема, так как царь пытается оспаривать наши территориальные притязания. Оттуда Кэррол также присылал замечательные отчеты, однако ничто не указывало на ту... ну, скажем, страсть, которая заставила его потребовать фортепиано. Некоторые наши наблюдатели сообщали, что он старается избегать вооруженных конфликтов, и заставляли его за чтением стихов в больничном саду. Наше командование смирилось с этой его привычкой, хотя и не без некоторого недовольства, после того как Кэррол прочел местному вождю, который лечился в госпитале, сонет Шелли – кажется, “Озимандию”. Этот человек, который уже подписал договор о сотрудничестве, но до сих пор отказывался передать в наше распоряжение своих людей, вернулся в больницу через неделю после выздоровления и попросил аудиенции не с военным офицером, а с Кэрролом. Он привел отряд в триста человек, “чтобы служить под началом поэта-воина”, – мистер Дрейк, это его слова, а не наши.

Полковник поднял глаза. Ему показалось, что он заметил легкую улыбку на губах настройщика.

– Я понимаю, что это удивительная история.

– Шелли может произвести впечатление.

– Согласен, хотя вынужден признать, что упомянутый эпизод оказался в какой-то степени несчастлив.

– Почему же?

– Мистер Дрейк, мы забегаем вперед, однако я считаю, что история с “Эраром” имеет отношение к попыткам “воина” стать “поэтом”. Фортепиано – слава богу, это лишь мое личное мнение – представляет собой... как бы лучше сказать?... нелогичное продолжение такой стратегии. Если доктор Кэррол действительно верит, что, познакомив те места с музыкой, он сможет обеспечить там мир, остается только надеяться, что у него хватит вооруженных солдат, чтобы защитить его.

Настройщик молчал, и полковник немного поерзал в кресле.

¹ Город в штате Уттар-Прадеш на севере Индии.

– Мистер Дрейк, вы, наверное, согласитесь, что поразить воображение местного аристократа чтением поэзии – это одно. А требовать доставить фортепиано в один из самых удаленных наших форпостов – несколько другое.

– Я плохо разбираюсь в военных делах, – сказал Эдгар Дрейк.

Полковник метнул на него быстрый взгляд и вернулся к своим бумагам. Этот человек не слишком подходит для климата и прочих испытаний Бирмы, подумал он. Высокий, худой, с седеющими волосами, небрежно падающими на лоб над очками в проволочной оправе, настройщик больше походил на школьного учителя, чем на человека, способного выполнить хоть какое-то военное поручение. Он казался старше своего сорока одного года; у него были темные брови и мягкие бакенбарды. От уголков светлых глаз разбегались морщины, хотя и не такие, отметил полковник, как у человека, который часто улыбается. Он был одет в вельветовый сюртук, и поношенные шерстяные брюки, да еще галстук-бабочка. Все это производило бы несколько печальное впечатление, решил полковник, если бы не губы, неожиданно полные для англичанина, на которых застыла едва заметная полуулыбка, выражавшая нечто среднее между смущением и легким удивлением и придававшая лицу настройщика какую-то особую мягкость, что приводило полковника в замешательство. Он также обратил внимание на руки настройщика, которые тот постоянно поглаживал; запястья тонули в рукавах сюртука. Эти руки не были похожи на те, которые привык видеть полковник, – слишком нежные для мужчины, хотя, когда они здоровались, он отметил твердость и силу рукопожатия, как будто под нежной кожей скрывался прочный проволочный каркас.

Он снова склонился над бумагами и продолжил:

– Итак, Кэррол оставался в Сахарапунре на протяжении пяти лет. За это время он успел принять участие в целых семнадцати миссиях, проводя больше времени в разъездах, чем на своем посту.

Он принялся листать отчеты о заданиях, в которых участвовал доктор, зачитывая вслух заголовки.

Сентябрь 1866 – разведка местности для прокладки железной дороги в верховьях реки Сутлей.

Декабрь – картографирование местности в Пенджабе в составе корпуса Водных инженеров.

Февраль 1867 – сообщение о деторождении и акушерских заболеваниях в Восточном Афганистане.

Май – инфекционные заболевания скота в горах Кашмира и их опасность для человека.

Сентябрь – обследование высокогорной флоры Сиккима для Королевского ботанического общества.

Казалось, полковнику неприятно перечисление, и он произнес все это на одном дыхании, так что напрягшиеся жилы у него на шее напомнили те самые горы Кашмира – по крайней мере, так показалось Эдгару Дрейку, который никогда не бывал в тех краях и даже не имел представления об их географии, но и он тоже ощутил раздражение – от полного отсутствия хотя бы упоминания о фортепиано.

– В конце 1868-го, – продолжал полковник, – заместитель директора нашего военного госпиталя в Рангуне, тогда единственной крупной клиники в Бирме, неожиданно скончался от дизентерии. На его замену руководитель медицинской миссии в Калькутте предложил Кэррола, который и прибыл в Рангун в феврале 1869-го. Он прослужил там три года, но так как его деятельность была в основном врачебной, у нас не много данных об этом периоде. Все свидетельствовало о том, что он поглощен своими врачебными обязанностями в госпитале.

Полковник подтолкнул папку через стол к настройщику:

– Вот фото Кэррола в Бенгалии.

Эдгар подождал немного, но, поняв, что ему придется встать, чтобы взять папку, подался вперед, уронив при этом свою шляпу.

– Простите, – пробормотал он, подобрал шляпу, затем взял папку и снова сел.

Пристроив папку на коленях, раскрыл ее. Фотокарточка лежала лицом вниз. Он поспешно перевернул ее. На снимке был высокий, уверенного вида человек с темными усами и аккуратной прической, одетый в военную форму, он стоял у кровати пациента, темнокожего мужчины – вероятно, индийца. На заднем плане – еще кровати и больные. Госпиталь, подумал настройщик, и сосредоточился на докторе. По лицу его он мало что мог понять. Черты несколько размыты, что странно, поскольку пациент вышел резко – похоже, доктор в момент съемки двигался. Настройщик взглядывался в лицо на снимке, пытаясь соотнести этого человека с только что услышанной историей, но фотография мало что могла поведать. Он поднялся и вернул папку на стол полковника.

– В 1871-м Кэррол попросил перевести его в более отдаленное место в Центральной Бирме. Просьбу удовлетворили, потому что в этот период бирманцы как раз активизировались в долине Иравади к югу от Мандалая. На своем новом посту, как и раньше в Индии, Кэррол принимал участие во многих разведывательных экспедициях, часто – в районе южного нагорья Шан. Не вполне понятно, каким образом ему это удалось – учитывая множество его обязанностей, – но Кэррол вскоре начал весьма бегло изъясняться на шанском диалекте. Некоторые считают, что его обучал местный монах, другие – что это служанка.

Но неважно, монах то был или служанка, в 1873 году мы получили ужасное для нас сообщение о том, что бирманцы, после нескольких десятилетий заигрываний с французами, все-таки подписали с ними торговый договор. Возможно, вам известна эта история, она подробно освещалась в прессе. Хотя французские вооруженные силы в Индокитае не спешили перейти Меконг, само собой, прецедент этот был крайне опасен в свете развития франко-бирманских отношений и открытой угрозы Индии. Мы немедленно начали готовиться к оккупации районов Верхней Бирмы. Немалое число шанских князей уже долгое время оспаривали друг у друга право на бирманский трон, и... – Полковник на секунду прервался, чтобы перевести дух, и заметил, что настройщик смотрит в окно. – Мистер Дрейк, вы меня слушаете?

Эдгар в смущении повернулся к нему:

– Да... Да, конечно, я слушаю вас.

– Тогда позвольте, я продолжу. – Полковник снова зарылся в бумаги.

С противоположной стороны стола раздался извиняющийся голос настройщика:

– На самом деле, полковник, я согласен, что вся эта история чрезвычайно увлекательна и познавательна, но я пока еще не вполне понимаю, зачем вам понадобилось мое участие во всем этом... Я понимаю, что для вас такое изложение дела привычно, но могу ли я задать вам один вопрос?

– Да, мистер Дрейк?

– Ну... если говорить начистоту, мне хочется услышать, в чем проблема с фортепиано.

– С чем, простите?

– С фортепиано. Ко мне обратились по поводу настройки инструмента. Вы сообщили мне очень много о человеке, но я полагал, что объект моего поручения все-таки не человек, а инструмент.

Лицо полковника налилось краской.

– Мистер Дрейк, как я сказал вам в самом начале, я убежден, что все эти сведения крайне важны.

– Я верю, сэр, но я до сих пор не узнал, что с инструментом, смогу ли я вообще исправить его. Я надеюсь, вы понимаете.

– Да-да. Конечно, я вас понимаю. – Нижняя челюсть у полковника напряглась. Он уже приготовился рассказывать об отзыве резидента из Мандалая в 1879-м, о сражении у Мьингьяна, об осаде гарнизона Маймио – это была одна из его любимых историй. Он ждал.

Эдгар уставился на свои руки.

– Прошу простить меня, пожалуйста, пожалуйста, продолжайте, – сказал он. – Дело просто в том, что мне придется скоро идти, я живу далеко, и меня действительно больше всего интересует фортепиано.

Хотя Эдгар немного испугался, в душе он был доволен, что ему удалось сбить полковника. Он всегда недолюбливал военных, и этот Кэррол нравился ему все больше. На самом деле он был бы не прочь послушать о нем еще, но дело близилось к вечеру, а полковник, по видимому, и не собирался заканчивать.

Полковник вернулся к бумагам.

– Хорошо, мистер Дрейк, я постараюсь покороче. К 1874 году мы начали закладку нескольких секретных аванпостов в регионе Шан, один – неподалеку от Хсипау, другой – у Таунггия и еще один, самый отдаленный, – в маленькой деревушке под названием Маэ Луин, на берегу реки Салуин. Вы не найдете Маэ Луин ни на одной карте, и пока вы не подтвердите свое участие в миссии, я не могу сказать вам, где это. Туда мы и послали Кэррола.

В комнате сгустился сумрак, и полковник зажег небольшую настольную лампу. Свет подрагивал, и большие усы полковника отбрасывали на его скулы шевелящиеся тени. Он изумительно поглядел на настройщика. Тот, похоже, и впрямь нервничал. Полковник вздохнул.

– Мистер Дрейк, не буду злоупотреблять вашим терпением и поэтому опущу детали двенадцатилетнего пребывания Кэррола в Маэ Луин. Если вы согласитесь помочь нам, мы сможем поговорить подробнее и я покажу вам армейские отчеты. Если, конечно, вы все-таки не желаете выслушать это сейчас.

– Если вы не против, я хотел бы услышать о фортепиано.

– Да-да, разумеется, фортепиано. – Полковник снова вздохнул. – Что вы хотите узнать? Мне казалось, что полковник Фитцджеральд достаточно подробно информировал вас в своем письме.

– Я знаю, что Кэррол потребовал фортепиано. Ваше министерство купило концертный “Эрар” 1840 года и отправило инструмент ему. Но вы не могли бы рассказать мне немного больше?

– К сожалению, не могу. Мы так и не поняли, зачем ему фортепиано, если только он не надеялся, что оно поможет ему повторить успех, которого он добился декламацией Шелли.

– Зачем? – Настройщик рассмеялся, неожиданно звучно для своего тщедушного сложения. – Как часто я задавал себе тот же самый вопрос относительно прочих моих клиентов! Зачем почтенная матрона, которая не способна отличить Генделя от Гайдна, покупает “Бродвуд” 1820 года и требует, чтобы его настраивали каждую неделю, хотя на нем никто не играет? Или что, по-вашему, может быть на уме у главного судьи графства, который дважды в месяц вызывает меня перетягивать струны на своем инструменте – что, надо сказать, совершенно не нужно, однако очень выгодно для моего кошелька – и в то же самое время отказывается выдать разрешение на проведение ежегодного конкурса пианистов? Не подумайте, что я хочу как-то вас задеть, но запрос доктора Кэррола не представляется мне таким уж из ряда вон выходящим. Сэр, вы когда-нибудь слышали “Инвенции” Баха?

Полковник закашлялся, пытаясь скрыть замешательство.

– Кажется, да... Наверняка должен был слышать, но – не считите за грубость, мистер Дрейк, – я не очень понимаю, при чем здесь...

– Мысль, как можно прожить восемь лет в джунглях, не слыша Баха, приводит меня в ужас. – Помолчав, Эдгар продолжил: – На “Эраре” 1840 года он звучит восхитительно.

– Готов вам поверить, но не забывайте, что там идет война.

Эдгар Дрейк глубоко вздохнул. Он неожиданно ощутил, что сердце забилося быстрее.

– Прошу прощения, полковник, я не хотел, чтобы мои замечания прозвучали дерзко. На самом деле с каждой минутой ваша история интересует меня все больше и больше. Но мне кажется, я чего-то недопонимаю. Если вы так недовольны вашим пианистом, полковник, тогда зачем я здесь? Вы занимаете очень важный пост, офицеру вашего уровня нечасто приходится тратить столь долгое время на беседу со штатским, это даже мне понятно. Мне также понятно, что Военное министерство потратило немалые средства на транспортировку инструмента в Бирму, не говоря уже о самой покупке. И вы предлагаете мне весьма щедрую оплату – хотя, с моей точки зрения, совершенно *справедливую*, но, на посторонний взгляд, действительно очень щедрую. Однако мне кажется, вы лично не в восторге от всего этого.

Полковник откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди.

– Прекрасно. Я рад, что вы сами об этом заговорили. Да, я действительно не одобряю эту затею, но прошу вас не принимать это на свой счет. Майор Кэррол – очень полезная фигура, наверное, его можно назвать чудачком, но он незаменим на своем месте. Кое-кто в нашем министерстве, на самом верху, с большим вниманием относится к его деятельности.

– Но не вы лично.

– Давайте просто скажем, что, на мой взгляд, некоторые люди слишком увлеклись высокими словами о нашем имперском предназначении, о том, что цель наших завоеваний не в захвате земель и богатств, а в распространении культуры и цивилизации. Я не стану с этим спорить, но в компетенцию Военного министерства это не входит.

– И все-таки вы поддерживаете его?

Полковник ответил не сразу.

– Мистер Дрейк, я так откровенен с вами только потому, что для всех нас крайне важно, чтобы вы правильно поняли позицию Военного министерства. В Шанских княжествах царит беззаконие. Везде, кроме поселения Маэ Луин. Один Кэррол стоит больше, чем несколько батальонов солдат. Он необходим нам там, его форпост не только один из самых опасных, но и один из важнейших в наших колониях. Территория Шанских княжеств имеет важнейшее значение для гарантии безопасности наших восточных рубежей, если мы будем полностью контролировать ее, то нам можно не бояться вторжения – французского или даже сиамского. Если смотреть на это фортепиано как на плату за то, чтобы Кэррол остался на своем посту, не так уж это и дорого. Но это военная застава, а не музыкальный салон. Мы только надеемся, что когда инструмент будет настроен, то Кэррол вернется к своим обязанностям. Нам важно, чтобы вы осознали это, чтобы вы поняли, что вас нанимаем *мы*, а не майор. Его взгляды могут показаться... соблазнительными.

Вы ему не доверяете, подумал Эдгар, но вслух сказал:

– Значит, это просто вынужденные расходы – навряд ли ящика сигар в подарок.

– Нет, это нечто другое. Я надеюсь, вы понимаете.

– Я понимаю так, что *именно* фортепиано делает его незаменимым.

– Об этом мы узнаем, когда оно будет настроено. Не так ли, мистер Дрейк?

При этих словах настройщик улыбнулся.

– Вероятно, да.

Полковник выпрямился в кресле.

– У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

– Только один.

– Да, и какой же?

Эдгар снова посмотрел на свои руки.

– Простите, полковник, но все-таки – каковы конкретные *проблемы* с инструментом?

Полковник уставился на него в полнейшем недоумении.

– Мне казалось, мы это уже обсудили.

Настройщик глубоко вздохнул.

– Прошу меня простить, сэр, мы обсудили проблемы, *имеющие отношение* к фортепиано. Но мне хотелось бы узнать, в чем состоят неполадки именно “Эрара” 1840 года, который стоит где-то за тридевять земель в джунглях, куда вы хотите меня снарядить. Ваше министерство не предоставило мне никаких сведений о состоянии инструмента, кроме того, что он расстроен, причем я даже сейчас могу сказать, что причина этого, скорее всего, в разбухании резонансной деки, а не самого корпуса, как вы указали в своем письме. Конечно, меня удивило, что никто не подумал об этом заранее. Влажность страшно вредна для инструментов.

– Мистер Дрейк, напоминаю вам еще раз: мы пошли на это ради Кэррола. Вы сможете самостоятельно сделать свои философские выводы, познакомившись с этим человеком лично.

– Хорошо. Тогда могу я все-таки спросить, что именно я должен буду исправить?

Полковник кашлянул.

– Такие подробности нам не сообщались.

– Он должен был что-то сообщить о самом инструменте.

– У нас есть только одна записка, не вполне вразумительная и непривычно короткая для доктора, который обычно весьма красноречив, почему мы и не придали его просьбе должного значения, пока он не пригрозил отказаться от своего поста.

– Вы не могли бы показать ее мне?

Полковник поколебался, но затем передал настройщику небольшой листок коричневой бумаги.

– Это шанская бумага, – сказал полковник. – По-видимому, предмет гордости для племени, которое ее производит. Это странно, потому что майор никогда не пользовался ею для своих писем.

Бумага была мягкой, ручной выделки, с заметной волокнистой структурой, с расплывшимися пятнами темных чернил.

Господа,

На “Эраре” больше невозможно играть, его необходимо настроить и починить; я пытался справиться с этим самостоятельно, но потерпел неудачу. В Маэ Луин категорически необходим настройщик – специалист по “Эрарам”. Я уверен, что найти его и отправить сюда не составит для вас большого труда. Прислать человека гораздо легче, чем фортепиано.

Майор медицинской службы

Энтони Дж. Кэррол,

Маэ Луин, Шанские княжества

Эдгар поднял взгляд.

– Довольно скудная информация, для того чтобы выполнить требование послать человека на другой конец света.

– Мистер Дрейк, – сказал полковник, – ваша репутация настройщика инструментов фирмы “Эрар” в Лондоне очень высока среди тех, кто имеет хоть какое-то отношение к музыкальному миру. Мы предполагаем, что все путешествие, с момента вашего отъезда и до прибытия обратно в Англию, займет не более трех месяцев. Как вам уже известно, вознаграждение будет достойным.

– И я должен ехать один.

– Ваша жена здесь будет обеспечена всем необходимым.

Настройщик откинулся на спинку стула.

– У вас остались еще вопросы?

– Нет, кажется, мне уже все понятно, – негромко проговорил Эдгар, словно обращаясь к самому себе.

Полковник сложил бумаги и подался вперед, облокотившись на стол:

– Вы поедете в Маэ Луин?

Эдгар Дрейк отвернулся к окну. Снаружи уже сгустились сумерки, ветер перебирал струи воды в причудливых сменах крещендо и диминуэндо² музыки дождя. Я решил все намного раньше, чем пришел сюда, подумал он.

Он повернулся к полковнику и кивнул.

Они пожали друг другу руки. Киллиан настоял, чтобы они вместе зашли к полковнику Фитцджеральду, дабы сообщить тому о достигнутом соглашении. Дальше снова были какие-то слова, но настройщик уже не вслушивался. Он был словно во сне, реальность решения проплывала где-то над его головой. Он чувствовал, что продолжает кивать сам себе, будто надеется, что, многократно повторяя это простое движение, сможет лучше осознать реальность своего согласия, примирить кажущуюся легкость, с которой все свершилось, с истинной значимостью того, что за этим стояло.

Были еще какие-то бумаги, которые нужно было подписать, и копии документов, которые требовалось подготовить для “последующего ознакомления”. Доктор Кэррол, объяснил Киллиан, прислал в министерство запрос с настоятельной просьбой предоставить настройщику обширную подборку материалов, касающихся истории, антропологии, геологии и естественной истории края.

– Я бы не стал загружать вас всем этим, но доктор просил предоставить вам все эти материалы, – пояснил он. – Я-то считаю, что рассказал вам все, что вам действительно было необходимо узнать.

Покинув кабинеты министерства, Эдгар Дрейк осознал, что одна строчка из письма Кэррола преследует его, точно легкий запах табачного дыма после салонной вечеринки.

Прислать человека гораздо легче, чем фортепиано.

Он подумал, что ему понравится этот доктор – наверное, нечасто в письме военного находится место столь поэтичным словам. А Эдгар Дрейк испытывал уважение к тем, кто умел в обязанностях разглядеть песню.

2

Когда Эдгар вышел из министерства, Пэлл-Мэлл тонула в густом тумане. Он пошел за двумя мальчиками-факельщиками сквозь пелену настолько непроницаемую, что от детских фигур, плотно закутанных в отрепья, в двух шагах не оставалось видно ничего, кроме рук, держащих пляшущие огоньки.

– Хотите кэб, сэр? – спросил один из мальчишек.

– Да, до Фицрой-сквер, пожалуйста, – ответил Эдгар, но тут же передумал: – Нет, лучше проводите меня на набережную.

Они пробрались через толпу, миновали строгие, отделанные под мрамор галереи Уайт-Холла и снова вышли на тротуар, перегороженный стоящими экипажами с людьми в черных смокингах и цилиндрах; то там то здесь слышалась аристократическая речь и вился дымок дорогих сигар.

– Сегодня обед в одном из клубов, сэр, – сообщил мальчик, и Эдгар кивнул.

За высокими окнами окружающих зданий были видны стены, сплошь увешанные живописными полотнами, сияли роскошные люстры. Эдгар бывал в некоторых клубах – три года назад настраивал “Плейель” в клубе “Будлс”, а еще “Эрар” в “Бруксе”, замечательный инструмент с инкрустацией производства парижской мастерской.

² *Crescendo, diminuendo* – музыкальные термины, используемые в нотных партитурах, – соответственно, “громче” и “тише”. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Они обошли группу хорошо одетых мужчин и женщин, раздумывая от холодного воздуха и выпитого бренди; мужчины посмеивались в темные усы, а женщины, затянутые в тесные корсеты из китового уса, приподнимали юбки, переступая через лужи и лошадиный навоз. На другой стороне улицы ждал свободный экипаж, пожилой индус в тюрбане уже открыл дверцу. Эдгар обернулся. Может быть, он видит, что мне предстоит, подумал Эдгар и не без труда подавил желание заговорить с индусом. Толпа мужчин и женщин, окружавшая его, расступилась, и Эдгар замешкался, потеряв из виду факелы мальчишек.

– Смотри куда идешь, дружище! – прорычал один из мужчин, а какая-то женщина проговорила:

– Ах, эти пьяницы.

В толпе послышался хохот, и Эдгар увидел, как блеснули глаза старика-индуса, которому лишь скромность помешала присоединиться к веселью своих пассажиров.

Мальчишки ждали у низкой стены, протянувшейся вдоль набережной.

– Куда теперь, сэр?

– Все в порядке, спасибо. – Он бросил им монетку.

Оба мальчика кинулись за ней, а монета, проскакав по дорожным выбоинам, скатилась в сточную решетку. Мальчишки упали на колени. “Эй, поддержи-ка факелы”. – “Нет, сам держи, это я заговорил с ним...” Смутившись, Эдгар выудил из кармана еще две монеты.

– Вот, извините, возьмите, пожалуйста.

Он пошел прочь, мальчишки остались препираться над решеткой. Вскоре они пропали из виду, лишь свет их факелов еще сквозил в тумане. Эдгар остановился и посмотрел на Темзу.

Снизу, от воды, доносился какой-то шум. Наверное, лодочники, решил он и на минуту задумался, куда они направляются или откуда прибыли. Потом подумал о другой реке, далекой, даже название которой было новым для него и звучало странно, будто второй слог пытался спрятаться между первым и последним. Салуин. Шепотом он проговорил это слово и тут же, смутившись, оглянулся, чтобы убедиться, что вокруг никого нет. Он прислушивался к людским голосам и плеску волн, доносившимся снизу. Над рекой туман был не таким густым. Луны не было, и лишь благодаря неверному свету фонарей на баржах он мог видеть размытые очертания берега и громоздких, тяжеловесных строений, обступивших реку. Как звери вокруг источника, подумал он, и сравнение понравилось ему, надо рассказать Катерине. Потом он спохватился: я задержался.

Он зашагал по набережной, мимо кучки бродяг – троих мужчин, жмущихся к маленькому костерку. Они наблюдали за ним, пока он проходил мимо, и он неловко кивнул им. Один из них поднял глаза и улыбнулся, обнажив обломки зубов.

– Добр-день, каптн, – прохрипел бродяга с характерным выговором кокни.

Два других оборванца промолчали и отвернулись к огню.

Он перешел дорогу и повернул прочь от реки, продрался сквозь людское сборище у “Метрополя”, прошел по Нортумберленд-авеню до Трафальгарской площади, где люди толкались вокруг экипажей и омнибусов, а полисмены тщетно пытались разогнать толпу; там свистели кнуты, всхрапывали лошади, а рекламные плакаты заманивали:

Корсеты Сванбилла для фигуры ТРЕТЬЕГО типа.

Cigars de Joy: всего одна сигарета даст вам моментальное облегчение при самых жестоких приступах астмы, кашля, бронхита и затрудненном дыхании.

НОР BITTERS НОР BITTERS.

Самый лучший подарок к Рождеству —
качественные часы РОБИНСОНА.

У ярко освещенных фонтанов, окружавших Колонну Нельсона, он остановился посмотреть на шарманщика-итальянца с визжащей обезьянкой в треуголке, которая скакала вокруг шарманки, размахивая лапками, пока хозяин крутил ручку. Вокруг собралась кучка аплодирующих ребятишек – факельщиков и трубочистов, сборщиков тряпья и детей разносчиков. Появился полисмен, засвистела дубинка.

– Ну-ка, по домам, живо, и уберите отсюда это грязное животное. Музицируй в Ламбете³, а здесь место для порядочных людей.

Вся компания, огрызаясь, медленно потянулась прочь. Эдгар обернулся. Еще одна обезьяна, огромная и ухмыляющаяся, причесывалась перед зеркалом в драгоценной оправе. “Обезьяна” – мыло фабрики Брукса: недостающее звено в чистоте вашего дома. Мимо проплыл борт омнибуса с очередным рекламным щитом. Мальчишка-кондуктор зазывал пассажиров: Фицрой-сквер, с ветерком до Фицрой-сквер. Там мой дом, подумал Эдгар Дрейк и пропустил омнибус.

Он ушел с площади и начал пробираться среди темневших в тумане лотков уличных торговцев и экипажей, направляясь по Кокспур-стрит, вливающейся в гудящий Сенной рынок; втянув ладони в рукава, он ругал себя за то, что не сел в омнибус. В конце улицы он свернул в проулок, где дома лепились друг к дружке теснее, а стены стали темнее.

Он шел, толком не зная, где находится, но стараясь не потерять направление, мимо стен – темных, кирпичных, и блеклых, покрытых выцветшей краской, – иногда навстречу попадался одинокий прохожий, торопившийся домой; шел мимо теней, отражений и отблесков света в мелких лужицах дождевой воды, скопившейся между булыжниками мостовой, мимо мансард под плачущими крышами и редких фонарей, покосившихся и мигающих, отбрасывающих на дорогу огромные пугающие тени оплетающей их паутины. Он шел, и сумрак все сгущался, а улицы сужались, и сам он тоже съежился – от холода и от того, что дома вокруг словно скукожились.

Переулки вывели его на освещенную Оксфорд-стрит, где ему было все знакомо. Он миновал Оксфордский концертный зал и повернул на Ньюмен, потом на Кливленд, потом на Хауленд-стрит, один квартал, второй, теперь направо, на улочку помельче, такую коротенькую, что ее забыли отметить на последней карте Лондона, к великому огорчению жителей.

Номер 14 по Франклин-Мьюз был четвертым в ряду – кирпичный дом, ничем не отличавшийся от дома мистера Лиллипенни, продавца цветов, который жил в номере 12, и мистера Беннет-Эдвардса, обойщика, из номера 16; каждые два дома имели смежную стену, и все – общий кирпичный фасад. Вход находился на уровне тротуара. За железной калиткой короткая дорожка вела от улицы к входной двери, несколько железных ступенек спускались в подвал, где Эдгар разместил свою мастерскую. С ограды и подоконников свисали цветочные горшки. В некоторых росли поблекшие хризантемы, продолжавшие цвести даже в осенние холода. Другие горшки были пусты, их до половины заполняла земля, на которой побескивала роса, отражавшая свет фонаря возле двери. Наверное, Катерина специально оставила его гореть, подумал он.

Он возился у дверей с ключами, уже намеренно оттягивая момент возвращения. Обернулся и посмотрел на улицу. Там была темнота. Разговор в Военном министерстве казался далеким, как сон, и на краткий миг он подумал, что, может быть, все это действительно рассеется, точно сон, что не стоит ничего говорить Катерине, только не сейчас, поскольку он сам не уверен в реальности случившегося. Он ощутил, как голова непроизвольно склонилась в очередном кивке. Кивок – вот и все, что я принес с этой встречи.

Он открыл дверь и увидел, что Катерина ждет его в гостиной – читает газету в мягком свете одинокой лампы. В комнате было прохладно, и она накинула на плечи толстую узорчатую шаль из белой шерсти. Он осторожно закрыл дверь, остановился и повесил шляпу и сюртук на

³ Ламбет – пригород Лондона, в XIX веке – преимущественно трущобный район.

вешалку, не говоря ни слова. Нет надобности возвещать о своем позднем приходе фанфарами, подумал он, лучше зайду потихоньку, может, мне удастся убедить ее, что я уже какое-то время здесь, хотя он знал, что не удастся, точно так же, как знал, что она уже не читает.

На противоположном конце комнаты Катерина продолжала смотреть в газету, которую держала в руках. Это были “Иллюстрированные лондонские новости”, и потом она расскажет ему, что читала статью “Прием в «Метрополе»”, где описывалось звучание нового рояля, но не была указана ни его марка, ни уж тем более имя настройщика. Еще с минуту она продолжала перелистывать страницы. Катерина молчала – это была женщина безупречной выдержки, и она знала, что нет лучшего способа укорить запоздавшего мужа. Многие из ее подруг считали иначе. Ты слишком снисходительна к нему, частенько говорили они ей, но она лишь пожимала плечами: если от него будет пахнуть джином или дешевыми духами, вот тогда я на него рассержусь, Эдгар возвращается поздно, потому что либо слишком увлекся работой, либо заблудился по пути домой от нового заказчика.

– Добрый вечер, Катерина, – сказал Эдгар.

– Добрый вечер, Эдгар. Ты опоздал почти на два часа.

Это был привычный ритуал, невинные извинения, дежурные объяснения. Я все понимаю, милая, драгоценнейшая моя, прости, мне нужно было нынче закончить со всеми струнами, чтобы завтра я смог подстроить их. Или: это был срочный заказ; или: мне заплатили сверхурочные; или: я немного заблудился, дом в районе Вестминстера, и я сел не в тот трамвай; или: мне просто захотелось поиграть, это редчайшая модель “Эрара” 1835 года, владелец – мистер Винченцо, итальянский тенор; или: владелица – леди Невилл, у нее уникальный инструмент 1827 года, мне так хотелось бы, чтобы ты могла быть там и тоже поиграть на нем. Если он и лгал, то просто заменяя одно извинение на другое. Что это был срочный заказ, хотя на самом деле он остановился послушать уличных музыкантов. Что он сел не в тот трамвай, хотя на самом деле он задержался допоздна, чтобы поиграть на рояле итальянского тенора.

– Я все понимаю, прости меня, пожалуйста, я действительно завозился у миссис Фаррелл.

Этого было достаточно, он увидел, как она закрыла “Новости”, и пересек комнату, чтобы сесть рядом с женой, но сердце у него продолжало лихорадочно стучать. Она заметила, что что-то не так. Он попытался поцеловать ее, но она отстранилась, стараясь скрыть улыбку.

– Эдгар, ты опоздал, я пережарила мясо, прекрати сейчас же, не думай, что можно заставить меня столько ждать, а потом подлизываться. – Она отвернулась от него, а он обвил ее руками за талию. – Я думала, ты уже закончил этот заказ, – добавила она.

– Нет, инструмент в на редкость плачевном состоянии, а миссис Фаррелл требует, чтобы я настроил его до “концертного качества”. – Последние слова он произнес высоким голосом, передразнивая почтенную даму.

Катерина рассмеялась, и он чмокнул ее в шею.

– Она говорит, что ее крошка Роланд станет вторым Моцартом.

– Знаю, она снова повторила мне это сегодня и даже заставила слушать, как этот шельмец играет.

Катерина повернулась к мужу:

– Бедный ты мой. Я не могу долго на тебя сердиться.

Эдгар улыбнулся, слегка расслабившись. Он наблюдал, как она пытается изобразить шутовскую суровость. Она все еще хороша, подумал он. Золотые локоны, покоровившие его при первой встрече, немного поблекли, но она до сих пор носила их распущенными, и в солнечном свете они и теперь казались того же оттенка, что и в молодости. Они познакомились, когда он только начинал самостоятельную карьеру и получил заказ на настройку “Бродвуда”, принадлежавшего ее семье. Инструмент не произвел на него впечатления – некоторые детали в нем были заменены совсем дешевыми, – зато произвели нежные ручки, что играли на нем, и плав-

ные линии фигуры девушки, что присаживалась рядом с ним за клавиатуру, ощущение близости, которое продолжало волновать его даже сейчас. Он потянулся, чтобы снова поцеловать ее.

– Прекрати, – хихикнула она, – не сейчас, и побереги диван, это новый дамаск.

Эдгар облокотился на спинку. Она в хорошем настроении, подумал он, может быть, стоит рассказать ей сразу же.

– Я получил новый заказ.

– Тебе стоит прочитать этот репортаж, – сказала Катерина, поправив платье и потянувшись за “Новостями”.

– “Эрар” 1840 года. Судя по всему, в жутком состоянии. Мне обещали прекрасный гонорар.

– Замечательно. – Она встала и направилась к обеденному столу.

Катерина не стала допытываться ни кому принадлежит инструмент, ни где он находится, она нечасто спрашивала об этом, потому что ответом всегда было: старая миссис Такая-то Такая-то, живет на Такой-то Такой-то улице в Лондоне. Эдгар был рад, что она не спросила, остальное последует скоро, он был терпелив и не имел привычки давить на судьбу – привычки, которая, как он прекрасно знал, не приводит ни к чему, кроме перетянутых струн и женского гнева. К тому же он только что взглянул на “Иллюстрированные Лондонские новости”, в которых, ниже репортажа о приеме в “Метрополе”, поместили материал о “Зверствах дакоитов”, написанный офицером “Третьего Гурканского полка”. В коротенькой заметке описывалась стычка с бандитами, захватившими дружественное селение, обычное дело для колоний, и он не обратил бы на нее внимания, если бы не шапка – “Бирманские эскизы”. Колонка была ему знакома, она выходила почти каждую неделю, но никогда особо не интересовала его. До сегодняшнего дня. Он выдрал лист из газеты и засунул его под стопку журналов на маленьком столике. Ей не нужно видеть это. Из столовой доносилось звяканье серебряных приборов и запах вареной картошки.

На следующее утро Эдгар сидел за маленьким столиком, накрытым на двоих, пока Катерина готовила чай и тосты и доставала банки с маслом и джемом. Он молчал, а она, перемещаясь по кухне, заполняла тишину болтовней о бесконечном осеннем дожде, о политике, о новостях.

– Эдгар, ты слышал про вчерашнее происшествие с omnibusом? Про прием в честь немецкого барона? Про молодую мать из Ист-Энда, которую арестовали за убийство собственных детей?

– Нет, – ответил Эдгар. Он был рассеян, мысли его блуждали где-то далеко. – Нет, расскажи.

– Ужасно, просто ужасно. Ее муж – угольщик, кажется, – нашел детей, двух мальчиков и девочку, скорчившихся вместе в кровати, мертвых, и позвал констебля, и они арестовали жену. Несчастная женщина. Несчастный муж, он не мог поверить в то, что она это сделала, – только представь, потерять сразу жену и детей. А она сказала, что просто дала им патентованное лекарство, чтобы они лучше спали. Я считаю, что они должны были арестовать производителя лекарства. Я верю, что она невиновна, а ты?

– Конечно, милая. – Поднеся чашку к губам, он подул на чай.

– Ты меня не слушаешь, – сказала Катерина.

– Почему, конечно, слушаю; это действительно ужасно. – Он и в самом деле слушал, представил троих детишек, бледных, похожих на новорожденных слепых мышат.

– Увы, я знаю, что мне нельзя читать такие истории, – сказала Катерина. – Они очень меня расстраивают. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты сегодня закончишь работу у Фарреллов?

– Нет, я думаю, что пойду к ним позже, на неделе. Сегодня в десять меня ждут в Мэйфере, в доме члена парламента. Бродвудовский рояль, я пока не знаю, в чем там дело. А до этого мне надо кое-что закончить в мастерской.

– Постарайся сегодня вернуться вовремя. Ты же знаешь, как я ненавижу ждать.

– Знаю. – Он перегнулся через столик и взял ее руку. Слишком порывисто, подумала она, но решила не придавать этому значения.

Их прислуга, молоденькая девушка из Уайтчепела, уехала домой, чтобы ухаживать за матерью, больной чахоткой, поэтому Катерина после завтрака сама пошла наверх, чтобы прибраться в спальне. Обычно она проводила день дома, хлопоча по хозяйству, отвечая на звонки клиентов Эдгара, ведя учет заказов и планируя их общие визиты и прочие контакты с обществом – словом, занимаясь всем тем, что ее муж, которому всегда было проще общаться с музыкальными инструментами, чем с людьми, с радостью согласился переложить на ее плечи. Детей у них не было, хотя когда-то они мечтали о них. Однако их брак до сих пор держался на любви, что порой удивляло даже Катерину, когда она смотрела на мужа, с отсутствующим видом бродящего по дому. Первое время примечательное “отсутствие детей”, как это звучало в устах матери Катерины, печалило их обоих, но постепенно они привыкли, и Катерина нередко задумывалась, стали бы они еще ближе друг другу, если бы появился ребенок. И вообще, как иногда сознавалась она подругам, может, оно и к лучшему, Эдгара вполне достаточно, чтобы удовлетворить ее потребность заботиться о ком-то.

После того как Катерина ушла, Эдгар допил чай и спустился по крутым ступенькам в свою подвальную мастерскую. Он редко работал дома. Транспортировка по лондонским улицам может нанести инструменту непоправимый вред, и гораздо проще приехать на место со всем необходимым. Мастерская служила ему преимущественно для реализации собственных замыслов. Несколько раз ему действительно приходилось доставлять фортепиано к себе, и тогда его спускали на веревках в узкое пространство между улицей и домом. Сама мастерская представляла собой маленькое помещение, загроможденное пыльными фортепианными остовами, рабочими инструментами, которые свисали со стен и потолка, словно куски туш в лавке мясника, прикрепленными к стенам выцветшими схемами устройства фортепиано различных фирм и портретами пианистов. Тусклый свет проникал сюда через крохотное оконце, прилепившееся под самым потолком. Сломанные клавиши выстроились на полках, точно ряды зубных протезов. Катерина как-то назвала его мастерскую “кладбищем слонов”, и он поинтересовался, что навело ее на эту мысль – огромные грудные клетки выпотрошенных роялей или рулоны войлока, похожие на снятые шкуры, а она ответила: ты слишком поэтичен, я имела в виду всего лишь всю эту слоновую кость.

Спустившись по ступенькам, он едва не упал, споткнувшись о сломанный механизм, прислоненный к стене. Помимо трудностей с транспортировкой фортепиано, была еще одна причина, по которой он не водил заказчиков в свою мастерскую. Тех, кто привык видеть инструменты сияющими полировкой в изящных гостиных, вид их обнаженных внутренностей и осознание того, что небесные звуки рождаются из чего-то настолько механического, пугал и расстраивал.

Эдгар пробрался к маленькому письменному столу и зажег лампу. Накануне вечером он спрятал пакет, полученный в Военном министерстве, под стопкой старых печатных руководств по настройке. Он открыл конверт. В нем находились копия письма, которое он получил от полковника Фитцджеральда, карта и контракт, где прописывались его обязанности. Помимо этих бумаг, в конверте были печатные справочные материалы, которыми его снабдили по настоянию доктора Кэррола, с заголовками жирными прописными буквами: общая история бирмы, с подробным изложением истории англо-бирманских войн и британских завоеваний. Эдгар сел и начал читать.

История в общих чертах была ему известна. Он знал об англо-бирманских войнах, конфликтах, примечательных своей быстротечностью и значительными территориями, которых лишались бирманские короли после каждой победы войск Ее Величества: после первой войны – прибрежные области Аракан и Тенассерим, после второй – Рангун и Нижняя Бирма, после третьей – Верхняя Бирма и Шанские княжества. О первых двух войнах, которые завершились между 1826 и 1835 годами, он узнал еще в школе, а о второй подробно писали газеты в прошлом году; об окончательном захвате территорий было объявлено только в январе. Но, если не считать самых общих сведений, большая часть подробностей оказалась для него неизвестной: что предлогом второй войны послужило похищение двух капитанов британских морских судов, что на развязывание третьей отчасти повлияла напряженность, возникшая после того, как британские посланники, получившие аудиенцию у бирманского короля, отказались разуться при входе в помещение. Там были и другие разделы, в том числе об истории королевских династий – запутанная генеалогия, которую делало уж совсем неудобоваримой наличие многочисленных жен, из нее становилось понятно, что убивать всех родственников, способных предъявить права на трон, – самое обычное дело. Он запутался в новых словах, именах со странными сочетаниями букв, которые он не мог произнести, и сосредоточился в основном на истории последнего короля, Тибо, его свергли, и он бежал в Индию после того, как британские войска захватили Мандалай. Это был, согласно военным отчетам, слабовольный и неудачливый правитель, которым помыкали жена и теща, и время его царствования ознаменовалось разгулом беззакония в отдаленных районах, подтверждением чему служили участвовавшие атаки вооруженных банд *дакоитов*, разбойников – название это стало известно Эдгару из статьи, которую он выдрал из “Иллюстрированных лондонских новостей”.

Он услышал наверху шаги Катерины и прекратил чтение, готовый засунуть бумаги обратно в конверт. Шаги остановились у лестницы.

– Эдгар, уже почти десять, – крикнула она.

– Правда! Мне пора! – Он погасил лампу и сложил бумаги в конверт, удивляясь собственной осторожности.

Катерина поджидала его наверху лестницы, с сюртуком и чемоданчиком с инструментами.

– Обещаю, что сегодня приду вовремя, – сказал он, ныряя в рукава.

Эдгар поцеловал ее в щеку и вышел на холод.

Остаток утра он провел за настройкой “Бродвуда”, принадлежавшего члену парламента, который в соседней комнате громогласно вещал о возведении нового приюта для душевнобольных благородного происхождения. Эдгар быстро закончил работу; он мог бы потратить больше времени на тонкую настройку, но у него сложилось впечатление, что инструментом редко пользуются. К тому же в гостиной, где стоял рояль, была плохая акустика, а политическая позиция депутата показалась Эдгару отвратительной.

Он ушел оттуда вскоре после полудня. Улицы были запружены народом. В небе висели низкие облака, угрожавшие пролиться дождем. Не без помощи локтей он расчистил себе путь сквозь толпу и перешел на другую сторону улицы, но там наткнулся на группу рабочих, которые кирками взламывали мостовую, перекрыв движение. Среди ожидающих возможности проехать экипажей шныряли продавцы газет и всякой мелочи, громко выкрикивая заголовки новостей и рекламируя товар. Двое мальчишек перебрасывались мячом над головами людей, мгновенно прячась, если мяч попадал в экипаж. Начал накрапывать дождик.

Обогнув рабочих, Эдгар несколько минут шагал, высматривая омнибус, но тут морось превратилась в настоящий дождь. Он укрылся под козырьком какого-то трактира, название которого было вытравлено на матовом дверном стекле; за большими окнами маячили спины джентльменов в костюмах и напудренных женщин, их силуэты расплывались в потоках влаги, покрывавшей стекло. Эдгар подпернул повыше воротник и перевел взгляд на заливаемую

дождем улицу. Пара возниц, оставив свои двуколки на другой стороне, бегом устремились в его направлении, натянув куртки на головы. Он отступил, чтобы дать им пройти; когда они входили, из открытой двери пахнуло тяжелой смесью духов, пота и разлитого джина. Он услышал пьяное пение. Дверь захлопнулась, Эдгар остался на месте, разглядывая улицу. И размышляя о материалах Военного министерства.

В школе он не проявлял особого интереса к истории или политике, предпочитая изящные искусства и, конечно, музыку. Если у него и имелись какие-то политические взгляды, то уж ближе к позиции Гладстона⁴ и Либеральной партии, поддерживающих правящую династию, хотя это мало походило на убеждение, родившееся в результате серьезных раздумий. Его недоверие к военным было скорее инстинктивным, ему претила самонадеянность, с которой они отправлялись в колонии и возвращались обратно. Кроме того, его возмущало активно насаждаемое и поддерживаемое многими изображение людей Востока как ленивых бездельников. Чтобы понять, что это неправда, говорил он Катерине, достаточно взглянуть на историю фортепиано. Переложение на язык математики равномерно-темперированного строя занимало умы выдающихся мыслителей от Галилео Галилея до преподобного Марина Мерсенна, автора классического труда *Harmonie universelle*. Однако, как знал Эдгар, точные формулы впервые представил публике китайский принц по имени Цайю – поразительный факт, поскольку, исходя из того, что Эдгар знал о восточной музыке, о музыке Китая, лишенной явно выраженных гармоний, она технически не нуждалась в темперации. Само собой, он редко заговаривал об этом в обществе. Он не любил споров, и его опыт подсказывал, что мало кто способен оценить техническую красоту такого новшества.

Дождь немного стих, и Эдгар покинул свое убежище под дверным козырьком. Вскоре он вышел на улицу пошире, по которой двигались омнибусы и кэбы. Еще рано, подумал он, Катерина обрадуется.

Он влез в омнибус, втиснувшись между дородным господином в плотном пальто и молодой женщиной с землистым лицом, беспрестанно кашлявшей. Омнибус, раскачиваясь, покатил вперед. Эдгар поискал взглядом окно, но салон был битком, и он не мог видеть улиц, по которым ехал.

Этот момент останется с ним навсегда.

Он дома. Он открывает дверь, а она сидит на диване, в углу, на краешке полукруглого покрывала из дамаска, наброшенного на подушки. Почти так же, как вчера, только лампа не горит, ее фитиль почернел, пора его подрезать, но прислуга в Уайтчепеле. Окно, задернутое занавеской из прозрачных ноттингемских кружев – единственный источник света, в котором танцуют легкие пылинки. Она сидит и смотрит в окно, она наверняка заметила его фигуру, когда он проходил по улице. У руках у нее платок, она торопливо вытирает щеки. Эдгару видны смазанные платком дорожки слез.

По столику красного дерева разбросаны бумаги, тут же открытый коричневый пакет, еще хранящий форму стопки бумаг, которые были в нем, еще с перевязывающей его бечевкой, аккуратно развернутый с одного конца, как будто его содержимое проверяли тайком. Или хотели проверить, потому что раскиданные бумаги говорят о чем угодно, только не о действии, совершенном втайне. Точно так же, как слезы и опухшие глаза.

Ни один из них не пошевелился и не произнес ни слова. Он продолжал держать в руке сюртук, она сидела на краешке дивана, ее пальцы нервно теребили платок. Он сразу же понял, почему она плачет, он понял, что она *знает*, а даже если и нет, то должна узнать, ему пора наконец рассказать ей все новости. Вероятно, нужно было сделать это вчера вечером, он должен был подумать о том, что они могут прийти к нему домой, теперь он вспомнил, что, прежде чем

⁴ Уильям Гладстон (1809–1898) – известный британский политический деятель XIX века, прославленный оратор, один из инициаторов парламентской реформы.

он покинул Военное министерство, полковник даже сказал ему об этом. Не будь он настолько поглощен попытками осознать истинное значение своего решения, он бы не забыл об этом. Ему стоило спланировать все, надо было донести до нее новости более деликатно. У Эдгара было настолько мало секретов, что те, которые появлялись, воспринимались как ложь.

Дрожащими руками он повесил сюртук на вешалку. Обернулся. Катерина, сказал он. Что случилось? – хотел он спросить, стандартный вопрос, но сейчас ему был известен ответ. Он смотрел на нее; оставались вопросы, ответов на которые он не знал: кто принес бумаги, когда они приходили, что они сказали, ты сердисься?

– Ты плакала, – сказал он.

Она молчала, только начала тихонько всхлипывать. Ее волосы рассыпались по плечам.

Он не двигался, не знал, должен ли подойти к ней, все было совсем не так, как всегда, сейчас не время для объятий, Катерина, я собирался сказать тебе, я пытался вчера вечером, я просто не думал, что все произойдет так быстро...

Он пересек комнату, скользнул между столиком и диваном и сел рядом с ней.

– Милая, – он коснулся ее руки, легонько, желая, чтобы она повернулась и посмотрела на него, – Катерина, милая, я собирался сказать тебе, пожалуйста, посмотри на меня.

И она медленно повернулась и взглянула на него, ее глаза покраснели, она долго плакала. Он ждал, что она скажет, он не знал, насколько много ей известно. Что случилось? Она не отвечала.

– Пожалуйста, Катерина.

– Эдгар, ты сам знаешь, что случилось.

– Я знаю, но в то же время я не знаю. Кто это принес?

– Это важно?

– Катерина, милая, не сердись на меня, я хотел рассказать тебе все, пожалуйста, Катерина...

– Эдгар, я не сержусь на тебя, – сказала она.

Он полез в карман и достал носовой платок.

– Посмотри на меня.

Он коснулся платком ее щеки.

– Я была рассержена сегодня утром, когда он пришел.

– Кто?

– Военный, из Военного министерства, он пришел и спросил тебя и принес вот это. – Жест в сторону бумаг.

– И что он сказал?

– Почти ничего, только что эти бумаги нужны тебе, чтобы подготовиться, что я должна гордиться, что ты делаешь нечто очень важное, и когда он говорил это, я все еще не понимала, о чем он. Что вы имеете в виду? Он сказал только: миссис Дрейк, да будет вам известно, ваш муж – отважный человек, и мне пришлось спросить его: почему? Эдгар, я чувствовала себя дурой. Мой вопрос, видимо, его удивил, он рассмеялся и сказал лишь, что Бирма очень далеко, я чуть не спросила, что это значит, я чуть не сказала ему, что он перепутал дом, перепутал мужа, но я только поблагодарила его, и он ушел.

– И ты это прочитала.

– Немного, совсем немного.

– Достаточно.

Она молчала.

– Когда он приходил?

– Утром, я понимаю, что не должна читать твою корреспонденцию, я оставила пакет на столе, это же не мое, я пошла наверх и пыталась закончить вышивку на нашем покрывале для кровати, но я была так рассеянна, что исколола себе все пальцы, я думала о том, что он сказал,

и я спустилась вниз, я сидела тут почти час, раздумывала, могу ли я вскрыть это, говорила себе, что все это чепуха, но я знала, что это не так, и я думала об этом вчера вечером. Вчера вечером. Вчера вечером ты был не таким, как всегда.

- Ты поняла.
- Не тогда, но сегодня утром я поняла.
- Мне кажется, ты все слишком хорошо поняла.

Он взял ее за руки.

Они долго сидели рядом, их колени касались друг друга, он держал ее руки в своих. Она опять сказала:

- Я не сержусь.
- Ты имеешь право сердиться.
- Я *была* сердита, гнев приходит и уходит, я просто хотела бы, чтобы ты рассказал мне, мне нет никакого дела до Бирмы, нет, это неправда, мне *есть* дело до Бирмы, я просто... Я не понимала, почему ты не рассказал мне, может быть, ты думал, что я буду отговаривать тебя. Это больше всего, я горжусь тобой, Эдгар.

Слова повисли в воздухе между ними. Он отпустил ее руки, и она снова расплакалась. Потом вытерла глаза.

- Только посмотри на меня, веду себя как маленькая девочка.
- Я еще могу отказаться, – сказал он.
- Дело не в этом, я не *хочу*, чтобы ты отказывался.
- Ты хочешь, чтобы я уехал.
- Я не хочу, чтобы ты уезжал, но в то же время я знаю, что ты *должен* ехать, я этого ожидала.

– Ты ожидала расстроенный “Эрар” в Бирме?

– Не Бирмы, *этого*, чего-то отличного от всего, что было раньше. Это замечательная мысль – использовать музыку для установления мира. Мне интересно, какие пьесы ты будешь играть там.

- Я еду, чтобы настроить инструмент, я не пианист, я еду, потому что получил заказ.
- Нет, это совсем не то что раньше, и не потому что это так далеко.
- Я не понимаю.
- Другое, что-то совсем другое, раньше в твоей работе этого не было – причина, нечто значительное.

– А до сих пор ты не считала мою работу значительной?

– Я этого не говорила.

– Ты сказала достаточно.

– Я смотрю на тебя, Эдгар, и мне иногда кажется, что ты – мой ребенок, я горжусь тобой, у тебя есть способности, которых нет у других, ты умеешь слышать звуки, которых не слышат другие, ты искусен в механике вещей, ты делаешь музыку прекрасной, этого достаточно.

– Только теперь, кажется, нет.

– Эдгар, пожалуйста, теперь *ты* сердисься.

– Нет, я просто хочу понять, что у тебя на уме. Ты никогда раньше не говорила мне такого, это просто очередной заказ, я остаюсь механиком, давай не будем нахваливать за живопись Тернера человека, который делает для него кисти.

– Ты говоришь так, будто не уверен, стоит ли тебе ехать.

– Конечно, я не уверен, только вот моя жена говорит мне, что я должен это сделать, чтобы что-то доказать.

– Ты знаешь, что я говорю совсем не об этом.

– Катерина, у меня бывали и другие странные заказы.

– Но это же совсем другое, это – единственный заказ, о котором ты не сказал мне.

Солнце за окном наконец спряталось за коньки крыш, и в комнате внезапно стало сумрачно.

– Катерина, от тебя я этого не ожидал.

– А чего же ты ожидал?

– Не знаю, я никогда раньше не был в таком положении.

– Ты ожидал, что я буду плакать, вот как сейчас, и умолять тебя никуда не уезжать, потому что именно так положено вести себя женщине, когда она теряет мужа, ты ожидал, что мне будет страшно отпускать тебя, потому что некому будет здесь позаботиться обо мне, ожидал, что я буду бояться тебя потерять.

– Катерина, все не так, я не поэтому не говорил тебе.

– Ты думал, что я испугаюсь, ты вырвал страницу из “Иллюстрированных лондонских новостей”, потому что там была статья про Бирму.

Наступила долгая тишина.

– Прости меня, – сказала она наконец. – Ты же знаешь, для меня это слишком необычно.

– Я понимаю, для меня тоже.

– Я думаю, Эдгар, ты должен поехать, *мне* бы так хотелось поехать с тобой, это ведь так замечательно – увидеть мир. Ты привезешь мне кучу историй.

– Это всего лишь очередной заказ.

– Можешь говорить что угодно, но ты знаешь, что это не так.

– Отплытие только через месяц, у нас еще много времени.

– Нужно многое подготовить.

– Катерина, это так далеко.

– Я знаю.

А дальше дни полетели быстро. Эдгар закончил работу у Фарреллов и отказался от нового заказа на настройку прекрасного “Стрейчера” 1870 года со старинной венской механикой.

Офицеры из Военного министерства зачастили к ним в дом, доставляя все новые и новые документы: справки, графики, списки вещей, которые необходимо взять с собой в Бирму. Выплакавшись в первый день, Катерина, казалось, восприняла назначение мужа с неподдельным энтузиазмом. Эдгар был благодарен ей за это, он думал, что она будет опечалена. Кроме того, он никогда не отличался особой организованностью. Катерина всегда посмеивалась над ним, говоря, что, похоже, поддерживать фортепианные струны в идеальном порядке можно, только если во всей остальной жизни царит полнейший хаос. Обычно военный курьер с очередной пачкой бумаг появлялся в отсутствие Эдгара. Катерина принимала бумаги, пролистывала и раскладывала на столе Эдгара в три стопки: документы, которые надо заполнить и вернуть в министерство, общие исторические материалы и бумаги, содержащие специфическую информацию, касающуюся его миссии. А затем возвращался Эдгар, и спустя считанные минуты бумаги оказывались в полном беспорядке, как будто он не читал их, а рылся, пытаясь что-то отыскать. Катерина знала, что он ищет – хоть что-нибудь, касающееся фортепиано, но ничего подобного в бумагах не оказывалось, и через три или четыре дня она стала встречать его словами: “Сегодня принесли еще бумаги, куча военной информации, про фортепиано ничего”, которые повергали его в разочарование, но зато способствовали поддержанию порядка на столе. Эдгар обычно брал то, что лежало сверху, и устраивался в кресле. Через некоторое время Катерина находила мужа спящим с раскрытой папкой на коленях.

Количество документации, которую они получали – по всей видимости, по настоянию доктора Кэррола, – поражало ее воображение, и она жадно проглатывала всю информацию, даже выписывая для себя отрывки из истории шанских племен, принадлежавшие перу самого доктора; вначале Катерине представлялось, что это очень скучная тема, но, начав читать, она скоро ощутила всю прелесть повествования и прониклась доверием к человеку, которому,

как она чувствовала, придется там присматривать за ее мужем вместо нее. Она посоветовала Эдгару почитать это, но тот отговорился, что займется бумагами позже – надо же будет чем-то развлечься, когда он останется один. Обычно Катерина редко рассказывала мужу о том, что прочитала. Истории и портреты людей очаровывали ее, она с детства любила рассказы о далеких странах. Но хотя порой она ловила себя на том, что грезит наяву, она была рада, что самой ей не нужно никуда ехать. Все это, признавалась она подруге, напоминает одну большую глупую игру для мальчишек, которые так и не стали взрослыми, вроде историй из журнала “Только для мальчиков” или дешевых ковбойских комиксов, которые завозят из Америки.

– Однако же ты отпускаешь Эдгара, – заметила подруга.

– Эдгар никогда не играл в эти игры, – ответила Катерина. – Может быть, ему еще не поздно начать. И вообще, я никогда не видела его настолько воодушевленным, настолько увлеченным задачей. К нему будто вернулась молодость.

Через несколько дней прибыла очередная партия корреспонденции, на этот раз от полковника Фитцджеральда, для передачи майору Кэрролу. Было похоже, что в пакетах ноты, и Эдгар уже начал распечатывать один, но Катерина остановила его. Бумаги были аккуратно упакованы в коричневую обертку, а он обязательно все их перепутает. К счастью, имена композиторов были надписаны, и Эдгар успокаивал себя тем, что в каких бы диких краях он ни оказался, компанию ему составит, по крайней мере, Лист. Такой выбор, говорил он, вселяет уверенность в успехе его миссии.

Отъезд был назначен на 26 ноября, ровно через месяц после того дня, когда Эдгар дал свое согласие. Приближение этой даты было чем-то сродни наступлению циклона – если не лихорадочными приготовлениями, которые предшествовали событию, то уж точно периодом затишья, который, Катерина знала, должен был последовать затем. Пока Эдгар проводил дни, заканчивая оставшиеся дела и разбираясь в мастерской, Катерина укладывала его чемоданы, подвергая рекомендации военных чинов пересмотру с точки зрения уникальных знаний, которыми могла обладать только жена настройщика “Эраров”. Таким образом, к армейскому списку, состоящему из таких предметов, как непромокаемая, защищающая от укусов насекомых и не подверженная гниению одежда, костюм для официальных аудиенций и многочисленные пилюли и порошки, предназначенные для того, чтобы “как можно лучше чувствовать себя в тропическом климате”, она добавила мазь от трещин на пальцах и запасные очки, потому что Эдгар регулярно, как раз примерно каждые три месяца, садился на них. Она уложила и концертный фрак.

– На тот случай, если тебя попросят сыграть, – объяснила она, но Эдгар поцеловал ее в лоб и выложил его.

– Дорогая, ты мне льстишь, но я не пианист, пожалуйста, не внушай мне подобных мыслей.

Катерина все равно вернула фрак в чемодан. Она привыкла к подобным возражениям. С детства Эдгар заметил, что обладает незаурядным слухом, но, как ни печально было это обнаружить, лишен способностей к композиции. Его отец, плотник, был увлеченным музыкантом-любителем, он коллекционировал и сам конструировал инструменты самой разной формы и звучания, рыская по базарам в поисках странных народных инструментов, завезенных с континента. Когда он понял, что его сын слишком застенчив, чтобы выступать перед гостями, он перенес свое усердие на сестру Эдгара, хрупкую девочку, которая потом вышла замуж за певца из труппы *D'Oyly Carte*, теперь ставшего весьма популярным благодаря главным ролям в опереттах господ Гилберта и Салливана. Поэтому, пока его сестра часами просиживала за упражнениями, Эдгар проводил дни рядом с отцом, человеком, из облика которого он лучше всего помнил большие руки. Слишком большие, говорил тот, для тонкой работы. Поэтому обязанностью Эдгара стало содержание в порядке постоянно растущей отцовской коллекции инструментов, большинство из которых, к вящему восторгу мальчика, считались не подлежа-

щими починке. Позже, молодым человеком, когда он встретил и полюбил Катерину, его так же восхищала ее игра, и он сказал ей об этом, когда делал предложение. Ты не должен просить меня выйти за тебя замуж только для того, чтобы иметь под рукой кого-то для проверки настроенных тобой инструментов, сказала она, молодой человек зарделся от прикосновения ее пальцев. Не беспокойся, если хочешь, можешь вообще никогда не играть, мне хватит музыки твоего голоса.

Эдгар сам собрал свои инструменты. Поскольку военные так и не предоставили ему подробной информации о состоянии фортепиано, он нанес визит в магазин, где оно было куплено, и долго беседовал с хозяином об особенностях именно этого “Эрара”, о том, насколько большим переделкам он подвергся, что осталось от оригинальных деталей. Из-за ограниченности места он мог взять с собой лишь инструменты и запасные детали, нужные для восстановления этого конкретного фортепиано. Но все равно инструменты заняли половину одного из его дорожных сундуков.

За неделю до его отъезда Катерина устроила маленькое прощальное чаепитие. У них было немного друзей, большинство – тоже настройщики: мистер Виггерс, специализирующийся на “Бродвудах”, мистер д’Арженс, француз, чьей страстью были венские кабинетные инструменты, и мистер Поффи, который на самом деле не был настоящим фортепианным настройщиком, так как в основном чинил органы.

– Это хорошо, – однажды объяснил Эдгар Катерине, – иметь какое-то разнообразие в друзьях.

Конечно, это далеко не покрывало всего разнообразия Людей, Имеющих Отношение к Фортепиано. В одном только лондонском справочнике, между Фармацевтами и Хирургами, значились Фортепиано, производители; Фортепиано, производители механической части; Фортепиано, внешняя отделка, а также мастера, занимающиеся сборкой молоточков, изготовлением деталей для них, отбеливанием слоновой кости и резкой по ней, производством клавиш, колков, шелковой внутренней обивки, тонкой отделкой; изготовители струн и, наконец, настройщики. Примечательным было отсутствие на вечеринке мистера Хастингса, также специалиста по “Эрарам”, который не желал иметь дела с Эдгаром с того момента, как тот повесил на дверях объявление, сообщавшее: “Уехал в Бирму заниматься настройкой по поручению Ее Величества; с мелкими заказами, которые не могут ждать моего возвращения, пожалуйста, обращайтесь к мистеру Клоду Хастингсу”.

Всех присутствующих чрезвычайно будоражила необычная миссия Эдгара, и они засиделись допоздна, пытаясь угадать, в чем же проблема с инструментом. В какой-то момент утомленная дискуссией Катерина оставила мужчин одних и отправилась в постель, взяв с собой “Бирму”, чудесный этнографический труд, написанный журналистом, недавно получившим должность в Бирманской Комиссии. Автор, некий мистер Скотт, выбрал в качестве псевдонима бирманское имя Шве Ю, “Правдивейший”, что для Катерины послужило очередным доказательством верности ее убеждения, что война – это всего лишь “ребячьи игры”. Тем не менее это почему-то растревожило ее, и, засыпая, она напредила себе обязательно сказать Эдгару, чтобы он не возвращался с подобным нелепым новым именем.

Прошли и эти дни. Катерина ожидала лихорадочной вспышки последних приготовлений, но за три дня до назначенной даты отбытия они с Эдгаром, проснувшись утром, обнаружили, что им больше нечего готовить и собирать. Чемоданы были уложены, инструменты вычищены и упакованы, мастерская закрыта.

Они пошли прогуляться к Темзе, сели на набережной и стали наблюдать за движением судов. Какая-то поразительная ясность и чистота, думал Эдгар, сегодня во всем – в небе, в прикосновении ее руки; до полного совершенства момента не хватало лишь музыки. С детства у него была привычка подбирать не только чувства к мелодии, но и мелодию к чувствам. Он рассказал об этом Катерине в письме, написанном вскоре после первого визита в ее дом, срав-

нив тогда свои эмоции с “*allegro con brio* из Сонаты № 50 ре мажор Гайдна”. Тогда она посмеялась над этим, гадая, серьезно ли он говорит или это такая шутка, которую вполне способен понять лишь настройщик. Ее подруги решили, что это определенно шутка, хотя и несколько странная, и Катерина обнаружила, что соглашается с ними, и это продолжалось до тех пор, пока она не купила партитуру сонаты и не сыграла ее, и тогда из свеженастроенного фортепиано полилась песнь захватывающего предвкушения, заставившая ее подумать о бабочках, только не тех, которые пробуждаются по весне, а о полупрозрачных мерцающих тенях, поселяющихся в груди у того, кто молод и влюблен.

Пока они сидели вместе у реки, в голове Эдгара, как в оркестре, разыгрывающемся перед выступлением, начинали звучать и тут же обрывались фрагменты мелодий, пока наконец одна из них не заглушила прочие, которые постепенно исчезли. Он начал напевать себе под нос.

– Клементи, соната фа-диез минор, – сказала Катерина, и он кивнул.

Однажды он рассказал ей, что ему представляется, что это произведение рассказывает о моряке, затерявшемся в океане. Его возлюбленная все ждет его на берегу. Он слышал в нотах плеск волн и крики чаек.

Они сидели и слушали.

– Он вернулся?

– В этой версии – да.

Внизу, под набережной, рабочие разгружали ящики с небольших речных судов. Чайки голосили в ожидании отбросов, окликали друг друга, описывая круги над водой. Эдгар и Катерина неторопливо шли вдоль берега. Когда наконец они повернули от реки, возвращаясь домой, Эдгар переплел свои пальцы с пальцами жены. Из настройщиков получают прекрасные мужья, говорила она подругам по возвращении из свадебного путешествия. Настройщик умеет слушать, и его прикосновения нежнее, чем у пианиста: только настройщик знает, что у пианино внутри. Молодые женщины хихикали, усматривая в этих словах неприличный намек. Теперь, восемнадцать лет спустя, она знала до мельчайших деталей расположение и происхождение каждой мозоли на его руках. Однажды он разъяснил ей их смысл, как человек с татуировками разъясняет смысл изображений на своем теле. Вот эта, с внутренней стороны большого пальца, – от отвертки, царапины на запястье – от самого корпуса инструмента, я часто кладу руки вот так, когда прослушиваю его, мозоли на первом и третьем пальцах правой руки от того, что ими я начинаю закручивать колки, прежде чем взяться за них плоскогубцами. Средним пальцем я не работаю, не знаю почему, привычка с юности. Сломанные ногти – из-за струн, это признак спешки.

Они идут к дому, разговаривая о разных несвязанных между собой вещах вроде того, сколько пар чулок он положил, как часто он будет писать, какие подарки он должен привезти, как не подцепить в тропиках какую-нибудь болезнь. Разговор течет неровно; никто не предполагал, что прощание окажется отягощено подобными банальностями. В книгах все бывает не так, думает он, и в театре тоже, и испытывает жгучее желание заговорить о своей миссии, о долге, о любви. Они добираются до дома, закрывают за собой дверь, а он так и не отпустил ее руки. Там, где не получается ничего сказать, на помощь приходят прикосновения.

Три дня, два, и он не может спать. Самым ранним утром он выходит из дома пройтись, еще темно, выбирается из теплого гнезда ароматной постели. Она ворочается, в полусне: Эдгар? А он: спи, любимая, и она засыпает, опять зарывшись в одеяло, мурлыча что-то уютное. Он спускает ноги с кровати, навстречу холодному поцелую половиц, и идет в другой конец комнаты. Быстро одевается. Ботинки он несет в руках, чтобы не разбудить ее, и тихонько выскальзывает в дверь, вниз по лестнице, покрытой волнами ковра.

Снаружи холодно и все темное, кроме кучи листьев, закрученной вихрем, который по ошибке залетел на Франклин-Мьюз, совершил кульбит и помчался обратно по узкой улочке. Звезд не видно. Он плотнее запахивает воротник пальто и глубже надвигает шляпу. Он следует

тем же путем, которым улетел ветер, он гуляет. По пустым мощеным улицам, мимо выстроившихся в ряд домов с задернутыми занавесками, похожими на закрытые глаза спящих. Сбоку какое-то движение – наверное, бродячие коты, а может, и люди. Темно, а на этих улицах пока не провели электричество, и он замечает лампы и свечи, прячущиеся в глубине домов. Он тоже прячется – глубже в свое пальто – и идет, и ночь неуловимо превращается в рассвет.

Два дня, потом один. Она присоединяется к нему, разгадав его раннее пробуждение, и они вдвоем гуляют среди пустоты Регент-парка. Они практически одни. Они держатся за руки, и с ними по широким аллеям гуляет только ветер, морща воду в лужах и шевеля мокрые листья, ковром устлавшие газоны, все пытается тащить их за собой. Они останавливаются и садятся под крышей стеклянного павильона, наблюдают за редкими прохожими, не побоявшимися выйти в дождь, прячущимися под зонтами, которые хочет вырвать у них крепчайший ветер: одинокий старик, супружеские пары, детишки, вприпрыжку поспевающие за мамами, наверное, в зоосад.

– Мама, а что там будет?

– Ш-ш-ш! Веди себя хорошо, там бенгальские тигры и бирманские питоны, они кушают непослушных детей.

Они гуляют. По сумрачным садам, где дождь смял последние цветы. Небо нависает низко, листья желтеют. Она берет его за руку и ведет прочь от бесконечных проспектов по изумрудным газонам – две хрупкие фигурки, пересекающие зеленую гладь. Он не спрашивает, куда они идут, просто слушает, как некрасиво чавкает грязь под подошвами ботинок. Небо нависает над ними, низкое и серое, солнца нет.

Она приводит его к маленькой беседке, там сухо, и он отводит мокрые волосы с ее лица. У нее холодный нос. Он будет это помнить.

День превращается в ночь.

И наступает 26 ноября 1886 года.

К пристани Принца Альберта подъезжает экипаж. Из него выходят двое в отутюженной военной форме и открывают дверцы перед мужчиной и женщиной средних лет. Они осторожно ступают на землю, словно это была их первая в жизни поездка в военном транспорте, ступеньки у экипажа выше обычного, а рессоры толще, чтобы проще было ездить по неровной местности. Один из военных указывает на корабль, и мужчина смотрит на него, а потом оборачивается к женщине. Они стоят рядом, и он легонько целует ее. Потом он поворачивается и идет следом за военными к кораблю. Каждый из них несет по чемодану, а сам пассажир – сумку поменьше.

Отплытие происходит без шумихи и звона бутылок, разбивающихся о нос, – этот обычай в ходу при крещении нового судна да у пьяниц, ночующих в доках и иногда выбирающихся освежиться на ярмарочную площадь. Уже поднявшиеся на палубу пассажиры машут толпе провожающих. Те машут им в ответ.

Начинает пыть мотор.

Когда они отправляются, над рекой сгущается туман. Как театральный занавес, он скрывает дома, и пирс, и тех, кто пришел проводить пароход. На середине реки туман еще гуще, он застилает причал и даже пассажиров друг от друга.

Медленно, один за одним, пассажиры расходятся по каютам, и Эдгар остается в одиночестве. Влага оседает на стеклах очков, и он снимает их, чтобы вытереть о жилет. Он пытается разглядеть что-нибудь в тумане, но берега, мимо которых они плывут, будто растворились бесследно. Туман съедает даже пароходную трубу у него за спиной, и ему кажется, что он плывет в пустоте. Он вытягивает руку и смотрит, как белые клочья обвиваются вокруг нее, оседая крохотными капельками.

Белое. Как чистый лист бумаги, как необработанная слоновая кость; в начале истории все еще белое.

3

30 ноября 1886

Дорогая Катерина!

Вот уже пять дней, как я покинул Лондон. Прости, что я не написал тебе раньше, но после Марселя наша первая почтовая стоянка только в Александрии, и я решил, что лучше подождать, чем отправлять тебе письмо, в котором были бы сплошь старые мысли.

Моя милая, возлюбленная Катерина, просто не знаю, как рассказать тебе о последних нескольких днях! Ты и представить себе не можешь, как бы я хотел, чтобы ты отправилась в это путешествие вместе со мной и могла своими глазами увидеть все, что вижу я! Лишь вчера утром по правому борту показалась новая земля, и я спросил одного из матросов, что это. “Африка”, – ответил он, и, кажется, мой вопрос весьма удивил его. Конечно, я почувствовал себя глупо, но я был просто не в состоянии скрыть свое возбуждение. Этот мир кажется одновременно таким маленьким и таким беспредельным.

Я хочу написать о многом, но в первую очередь позволь рассказать о нашем путешествии до этого момента, начиная с того, как мы попрощались. Путь от Лондона до Кале оказался небогат на события. Туман был очень густой и редко расступался настолько, чтобы мы могли разглядеть что-либо, кроме воды. Этот отрезок занял всего несколько часов. В Кале мы прибыли ночью, и нас отвезли на железнодорожный вокзал, где мы сели на поезд в Париж. Ты знаешь, как я всегда мечтал посетить дом, где жил Себастьян Эрар. Но не успели мы приехать, как уже были в другом поезде, идущем на юг. Франция – действительно очень красивая страна, мы проезжали мимо золотых пастбищ, виноградников и даже целых полей лаванды (из которой делают знаменитые духи – обещаю привезти их тебе, когда вернусь). Что до самих французов, здесь у меня не столько добрых слов, ибо ни один из местных жителей, с которыми мне довелось пообщаться, ничего не слышал ни об Эраре, ни о *mûcanisme a ûtrier*⁵, величайшем изобретении Эрара. В ответ на мои вопросы они глядели на меня как на сумасшедшего.

В Марселе мы погрузились на другое судно, принадлежащее той же компании, и вскоре уже бороздили воды Средиземного моря. Вот бы тебе увидеть эту красоту! Средиземное море такое синее, какого я никогда не видывал. Наиболее близкий к нему цвет – это оттенок ясного неба ранним вечером или, может быть, сапфира. Фотоаппарат, конечно, чудесное изобретение, но, к сожалению, на карточках нельзя запечатлевать истинные цвета, а мне бы так хотелось, чтобы ты собственными глазами убедилась в том, что я говорю. Тебе стоит сходить в Национальную галерею и взглянуть на “Бриг «Темерер»” Тёрнера, это самое близкое, что приходит мне в голову. Здесь очень теплая погода, и я уже позабыл о холодных лондонских зимах. Почти весь первый день я провел на палубе, и все закончилось тем, что я обгорел на солнце. Нельзя забывать про шляпу.

На второй день мы прошли через пролив Бонифацио, разделяющий острова Сардиния и Корсика. С борта корабля был виден итальянский берег. Он производит очень мирное и тихое впечатление, причем совершенно истинное. Сегодня сложно представить, какие страсти когда-то бушевали среди этих холмов, странно думать о том, что здесь – родина Верди, Вивальди, Россини и в первую очередь, конечно, Кристофори⁶.

Что написать тебе о том, как я провожу время? Кроме того, что я просто сижу на палубе и гляжу на море, я много времени уделяю чтению отчетов, присланных Энтони Кэрролом. Странно думать о том, что этот человек, которым заняты мои мысли уже столько недель, до

⁵ Педальный механизм (*фр.*).

⁶ Бартоломео Кристофори (1655–1731) – итальянский мастер, изобретатель фортепиано.

сих пор даже не знает моего имени. Хотя какая разница, зато я могу сказать, что у него исключительный вкус. Я открыл один из адресованных ему пакетов с нотами и обнаружил, что в нем содержится Фортепианный концерт № 1 Листа, Токката до мажор Шумана и так далее. Есть там и партитуры, которые незнакомы мне, и когда я попытался напеть их по нотам, то не смог уловить никакой мелодии. Обязательно расспрошу его об этом, когда доберусь до его лагеря.

Завтра – остановка в Александрии. Берег уже совсем близко, и я могу разглядеть вдалеке минареты. Сегодня утром нам встретилось маленькое рыбацкое суденышко, и рыбак-туземец долго стоял и смотрел, как мы проплываем мимо, у него из рук свисали сети, он был так близко, что я видел кристаллики соли на его коже. А ведь еще недели не прошло, как я уехал из Лондона! Жаль, но стоянка в порту очень скоротечная, и у меня не будет времени посетить пирамиды.

Сколько всего я еще хотел бы сказать тебе... Скоро полнолуние, и по ночам я часто выхожу на палубу и смотрю на луну. Я слышал, что на Востоке люди считают, что на луне виден кролик, но я так и не смог разглядеть его, только лицо человека, он подмигивает и широко ухмыляется, с удивлением и любопытством. И теперь мне кажется, я понял, почему у него такой вид, потому что, если все кажется таким чудесным с борта корабля, только представь себе, каково ему смотреть на землю с луны! Две ночи назад я не мог заснуть из-за жары и возбуждения и вышел на палубу. Я глядел в океан, когда в воде, меньше чем в сотне ярдов от нашего парохода, начало медленно разливаться мерцание. Вначале я решил, что это отблеск звездного света, но потом понял, что сияние имеет свой источник и состоит из отдельных крошечных огоньков, многочисленных, как фонари на улицах Лондона вечером. Глядя, как усиливается свечение, я ожидал появления загадочного морского существа, но оно оставалось бесформенным, свободно растекающимся по поверхности воды. Оно растянулось примерно на милю, но затем, когда мы проплыли мимо и я обернулся, чтобы взглянуть на море за кормой, свечение уже исчезло. Потом, вчера ночью, эта светящаяся субстанция появилась снова, и путешествующий натуралист, который вышел на палубу полюбоваться звездным небом, объяснил мне, что свет испускает не одно огромное чудовище, а миллионы микроскопических существ, которые называют “диатомеями”, и что этим же существам Красное море обязано своим цветом. Катерина, подумай только, в каком странном мире мы живем, если нечто, неразличимое глазом, может заставить светиться воду и окрасить целое море в красный цвет!

Дорогая моя, мне пора заканчивать. Уже поздно, и я страшно скучаю по тебе и надеюсь, что тебе там не очень одиноко. Пожалуйста, не беспокойся обо мне. Честно говоря, я немножко трусил, когда уезжал, и до сих пор иногда, лежа в постели, я спрашиваю себя, почему же я согласился. Я так и не ответил себе на этот вопрос. Я помню, как ты говорила мне в Лондоне, как почетно это поручение, о том, что это мой долг перед страной, но в этом есть нечто неправильное: я никогда не служил в армии, и меня мало интересуют наши зарубежные дела. Я понимаю, что тебя возмущали мои слова, когда я говорил, что мне это представляется долгом скорее перед инструментом, чем перед Коронай, но я все-таки верю в правильность действий доктора Кэррола и в то, что если я смогу помочь ему в том, что касается музыки, наверное, в *этом* и будет мой долг. В какой-то степени на мое решение наверняка повлияли моя вера в доктора Кэррола и мысль о том, что я окажусь причастным к его деятельности и к его стремлению нести музыку, которую я нахожу прекрасной, туда, куда все остальные считают возможным нести одно лишь оружие. Я сознаю, что такие возвышенные мысли часто бледнеют при столкновении с реальностью. Мне действительно очень не хватает тебя, и я надеюсь, что мою миссию все-таки не ожидает бесславный конец. Но ты же знаешь, что я не из тех, кто ищет опасностей на свою голову. Мне кажется, все истории, которые мы слышали о войне и о джунглях, напугали меня куда больше, чем тебя.

Зачем я трачу слова на свои страхи и неуверенность, когда вокруг меня столько удивительного, о чем стоит тебе рассказать? Я думаю, все это из-за того, что мне больше не с кем

поделиться этими мыслями. Если быть откровенным, то я уже испытал какую-то особую разновидность счастья, совершенно незнакомую мне доселе. Единственное, чего я желал бы, – чтобы ты могла разделить со мной это путешествие.

Любимая, я скоро напишу тебе еще.

Твой преданный муж

Эдгар

Он отправил письмо в Александрии, на короткой стоянке, где пароход взял на борт новых пассажиров – мужчин в просторных одеждах, говорящих на языке, который, казалось, зарождался у них глубоко в гортани. Судно простояло в порту несколько часов, этого времени хватило лишь на краткую экскурсию среди запахов сушеных осьминогов и мешочков торговцев пряностями. Вскоре они уже плыли дальше, через Суэцкий канал в другие моря.

4

В эту ночь, пока пароход медленно пыхтел по водам Красного моря, Эдгар не мог заснуть. Сначала он попытался читать документы, предоставленные ему Военным министерством, цветистые описания кампаний периода Третьей англо-бирманской войны, но это быстро ему наскучило. В каюте было душно, маленький иллюминатор практически не пропускал внутрь морской воздух. В конце концов он оделся и направился по длинному коридору к трапу, ведущему на палубу.

Снаружи было прохладно, на ясном небе сияла полная луна. Пройдет много недель, и, узнав мифы, он поймет, почему это было важно. Англичане зовут тонкий, слабо светящийся серпик “новой луной”, но это лишь один из возможных вариантов понимания. Спросите любого ребенка из народа шан, или ва, или па-о, и он ответит вам, что новая луна – полная, потому что она свежа и сияет, подобно солнцу, а тонкий месяц – старый и слабый, готовый умереть. Поэтому именно полная луна обозначает отправную точку, время, в которое зарождаются перемены, когда человек должен обращать особо пристальное внимание на знамения.

Но до прибытия Эдгара Дрейка в Бирму оставалось еще много дней, и он ничего не знал о пророчествах шан. Не знал о четырех категориях авгурий, к которым относились предсказания по небесам, предсказания по полету птиц, предсказания по кормящимся курам и предсказания по движениям четвероногих животных. Он не знал смысла появления комет, кругов вокруг солнца или метеоритных дождей, не знал о том, что прорицанием может быть направление полета журавля, что авгурии можно искать в куриных яйцах, в роении пчел и что если на человека падает ящерица, крыса или паук, важен не только этот факт сам по себе, но и то, на какую часть тела попало животное. Не знал, что если вода в пруду или реке становится красной, значит, страну ждет гибель в опустошительной войне; такое знамение предшествовало разрушению Айютайи, древней столицы Сиама. Не знал, что если человек берет в руки предмет, который вдруг ломается без всякой видимой причины, или если у него с головы сам по себе падает тюрбан, то вскоре он неминуемо умрет.

Эдгар еще не нуждался в явлении этих авгурий, пока нет. Он не носил тюрбана, и у него редко рвались струны во время настройки или ремонта инструмента; он стоял на палубе, а в синем зеркале моря дрожал серебряный диск луны.

Еще можно было различить на горизонте очертания побережья и даже далекий отсвет маяка. Ясное небо было усыпано тысячами звезд. Эдгар вглядывался вдаль, где волны вспыхивали отраженным звездным светом.

Следующим вечером Эдгар сидел в кают-компании в конце длинного стола, застланного чистой белой скатертью. Над его головой в такт движению корабля покачивалась люстра. Обстановка весьма изысканна, писал он Катерине, тут не экономят на предметах роскоши. Он

сидел один и прислушивался к разговору двух офицеров о сражении в Индии. Его мысли уносились прочь, к Бирме, к Кэрролу, к настройке, к фортепиано, к дому.

Сзади раздался голос, вернувший его на борт парохода.

– Это вы – настройщик?

Обернувшись, Эдгар увидел высокого мужчину в форме.

– Да, – ответил он, проглатывая кусок и поднимаясь, чтобы протянуть руку незнакомцу. – Дрейк. С кем имею честь?

– Тайдворс, – ответил мужчина с располагающей улыбкой. – Я капитан рейса от Марселя до Бомбея.

– Да, конечно, капитан, я вспомнил вашу фамилию. Весьма польщен знакомством с вами.

– Нет, мистер Дрейк, это я польщен. Приношу свои извинения, что не смог познакомиться с вами раньше. Я предвкушал эту встречу уже несколько недель.

– Несколько недель! – воскликнул пораженный Эдгар. – Как вы могли знать о ней?

– Мне следовало пояснить это сразу же, как только я представился. Я друг Энтони Кэррола. Он писал мне и предупредил о вашей поездке. Он ждет вашей встречи с огромным нетерпением.

– Я тоже. Это ведь он – объект моей миссии. – Эдгар рассмеялся.

Капитан шагнул к стульям.

– Пожалуйста, садитесь, – сказал он. – Я не хотел бы прерывать вашу трапезу.

– Не стоит беспокоиться, капитан. Я уже сыт. Вы очень хорошо обслуживаете нас. – Они оба сели. – Так, значит, доктор Кэррол писал вам обо *мне*? Интересно – что.

– Немного. Кажется, ему даже не сообщили ваше имя. Он рассказал мне, что вы – прекрасный настройщик и что для него крайне важно, чтобы вы добрались до места без эксцессов. Еще он писал, что, возможно, вы будете чувствовать себя не слишком уютно в этом путешествии, и просил приглядывать за вами.

– Как любезно с его стороны. Но я, кажется, чувствую себя неплохо. Хотя, не имея в багаже индийской войны, – он кивнул в сторону офицеров, – мне редко удается поддержать разговор.

– О, как правило, все они на редкость скучны, – ответил капитан, понизив голос, что вовсе не было необходимо, поскольку офицеры уже выпили достаточно, чтобы вообще не замечать его присутствия.

– Как бы то ни было, я надеюсь, что вы не станете ради меня жертвовать временем, которое необходимо вам для более важных дел.

– Оставьте, мистер Дрейк. Как у нас говорят, рейс проходит гладко. Если не возникнет никаких проблем, через шесть дней мы будем в Адене. А если я где-нибудь понадобится, меня всегда позовут. Скажите мне, вы довольны поездкой?

– Я в восторге. Видите ли, я впервые покинул Англию. Оказывается, мир настолько прекрасен, что я не мог себе такого даже вообразить. Мое знакомство с континентальной Европой ограничивалось в основном музыкой и инструментами, с которыми я работаю. – Не дождавшись от капитана никакого ответа, он смущенно добавил: – Я специалист по инструментам марки “Эрар”. Это французская модель.

Капитан взглянул на него с интересом.

– Чем же вам понравился путь до Александрии? Я подозреваю, ни одного пианино вам на нем не попало.

– И впрямь, ни одного, – рассмеялся Эдгар. – Но зато какие виды! Я часами торчал на палубе. Мне показалось даже, что я снова молод. Наверное, мои чувства вам понятны.

– Само собой. Я до сих пор не могу забыть своего первого плавания по этому маршруту. Я даже писал об этом стихи, идиотские оды о пути меж двух материков, огромных и пустых, о сотнях миль песков и сказочных, возносящихся к облакам городах от Леванта до Конго. В

общем, сами можете представить. Но для меня морские путешествия и сейчас не потеряли своего очарования, хотя, слава богу, на поэзии я давным-давно поставил крест. А вы уже познакомились с кем-нибудь из пассажиров?

– По правде сказать, нет. Я не слишком общителен. Мне и так хватает впечатлений. Ведь для меня все это совершенно ново.

– Все же жаль, что вы до сих пор не завели новых знакомств. Здесь хватает интересной публики. Без нее я, может быть, устал бы даже от видов.

– В это трудно поверить. И что же в ней интересного?

– О, если бы у меня только было достаточно времени, чтобы пересказать вам все истории, что мне довелось услышать от моих пассажиров. Сами места, где они садятся на корабль, уже сплошная экзотика. Не только Европа и Азия, но и тысячи портов по всему Средиземноморью, на побережье Северной Африки, Аравии. Они называют этот маршрут “осью мира”. Однако же, истории! Мне нужно лишь взглянуть кругом... – Он подался к Эдгару. – Вот, например, там, за столом в глубине, видите пожилого господина, который обедает с седой женщиной?

– Да. Мне кажется, это самый старый пассажир на всем пароходе.

– Его зовут Уильям Пенфилд. Бывший офицер, служил в Индии. Его там прозвали Кровавым Биллом. Возможно, самый отчаянный солдат из всех, кто когда-либо служил в колониальных войсках, и к тому же получивший самое большое количество наград.

– Этот старик?

– Он самый. Когда в следующий раз окажетесь поблизости от него, обратите внимание на его левую руку. Он лишился двух пальцев в перестрелке во время своей первой операции. Его подчиненные шутили, что противнику пришлось заплатить за каждый палец тысячью убитых.

– Ужасно.

– Это еще не все, но я не буду утомлять вас подробностями. А теперь взгляните на молодого человека вон там, левее. Видите, с темными волосами? Его прозвище – Деревянный Гарри. Мне неизвестно его настоящее имя. Он армянин, родом из Баку. Его отец торговал лесом, у него была лицензия на перевозку сибирского дерева пароходами через Каспийское море. Со временем, как говорят, он стал полностью контролировать рынок в Персии, но десять лет назад его убили. Все его родные бежали кто куда, одни – в Аравию, другие – в Европу. Деревянный Гарри оказался на Востоке и достиг успехов на индо-китайском рынке. Имеет репутацию бахвала и авантюриста. Ходят слухи, пусть и не доказанные, что это именно он дал денег Гарнье⁷ на экспедицию в верховья Меконга на поиски его истоков; сам Гарри никак их не комментирует, что весьма благоразумно с его стороны, ему не хочется терять британские транспортные контракты. Вероятно, он будет вашим попутчиком до самого Рангуна, но в Мандалай поплывет на пароходе собственной компании. Там у него особняк – нет, лучше сказать, дворец, выстроенный с размахом, которому могли бы позавидовать и короли Авы⁸. Что, собственно, они и делали. Говорят, Тибо⁹ дважды пытался подослать к Гарри убийц, но хитрому армянину оба раза удалось от них ускользнуть. Когда будете в Мандалае, можете полюбоваться его жилищем. Древесина – это его жизнь и воздух. С ним практически невозможно разговаривать, если не разбираешься в этом бизнесе. – Капитан так увлекся рассказом, что едва успевал переводить дух. – А вон та тучная фигура позади него – Жан-Батист Валери, француз, профессор лингвистики из Сорбонны. Говорят, он знает двадцать семь языков, три из которых неизвестны более ни одному белому человеку, даже миссионерам.

– А мужчина рядом с ним, с кольцами? Примечательная личность.

⁷ Франсис Гарнье (1839–1873) – французский исследователь, морской офицер, шпион, возглавлял экспедицию по Меконгу.

⁸ Одно из королевств Бирмы, до конца XIX века европейцы Бирму именовали Ава.

⁹ Тибо Мин (1859–1916) – последний бирманский король династии Конбаун, при нем Бирма окончательно стала британской колонией.

– А, это Надер Модарресс, перс, продавец ковров. Считается знатоком бахтиярских ковров. Он путешествует с двумя женами, это для него нехарактерно, поскольку у него в Бомбее целый гарем, который не оставляет ему времени заниматься коврами. Ему всегда отводят королевскую каюту. У него всегда хватает на это денег. Вы уже заметили, что он носит по золотому перстню на каждом пальце, – если вам удастся их разглядеть, вы увидите, что камни во всех без исключения просто бесценны.

– Он поднялся на пароход с другим мужчиной, таким крупным блондином.

– Это его телохранитель. Кажется, норвежец. Хотя его полезность вызывает у меня сомнения. Половину времени в рейсе он проводит, куря опиум с кочегарами, – что поделать, дурная привычка, зато так они меньше жалуются. У Модарресса на службе есть еще один персонаж, поэт-очкарик из Киева, его обязанность – написание од в честь жен Модарресса. Этот перс пытается выставить себя романтиком, но у него плохо с прилагательными. Ах, простите меня, я расплетничался, как школьница. Пойдемте немного подышим воздухом, прежде чем я вернусь к своим обязанностям.

Они встали и направились на палубу. На носу стояла одинокая фигура, закутанная в длинные белые одежды, развевающиеся на ветру.

Эдгар посмотрел на него.

– У меня такое впечатление, что он так и не пошевелился с тех пор, как мы вышли из Александрии.

– Да, это, вероятно, наш самый загадочный пассажир. Мы зовем его Человек Одной Истории. Он путешествует по этому маршруту, сколько я себя помню. Всегда один. Понятия не имею, кто платит за его проезд и чем он занимается. Он садится на пароход в Александрии, занимает каюту на нижней палубе и сходит на берег в Адене. Я никогда не видел его на обратном пути.

– А почему вы зовете его Человеком Одной Истории?

Капитан усмехнулся.

– Это прозвище закрепилось за ним давным-давно. В тех редчайших случаях, когда он решает заговорить, он рассказывает всегда одну и ту же историю. Услышав ее однажды, я вряд ли смогу когда-нибудь ее забыть. Он не вступает в беседу. Он просто начинает рассказывать и говорит, пока не закончит рассказ. Это очень непривычно, как будто слушаешь фонограф. Все остальное время он молчит, но те, кому довелось услышать его историю... мало кому после этого удастся остаться прежним.

– Он говорит по-английски?

– Слишком правильно, как будто читает по книге.

– И о чем же его... история?

– Ах, мистер Дрейк. Это я оставляю вам для собственного исследования, если, конечно, вам это интересно. Ей-богу, никто, кроме него, не может ее рассказывать.

И в эту самую минуту, словно вся сцена была отрепетирована заранее, капитана позвали с камбуза. У Эдгара оставались еще вопросы – об Энтони Кэрроле, о Человеке Одной Истории, но капитан торопливо пожелал ему спокойной ночи и исчез за дверями кают-компании, оставив его в одиночестве вдыхать морской воздух, насыщенный солью и предчувствиями.

На следующее утро Эдгар проснулся рано, но воздух снаружи уже дышал зноем. Он оделся и по длинному коридору вышел на палубу. Утро было ярким, солнце едва показалось из-за восточных холмов, но его лучи уже обжигали. Берега расступились и едва виднелись на горизонте. Ближе к корме он увидел у поручней человека в белых одеждах.

Эдгар привык совершать такой моцион каждое утро, обходя судно по кругу, пока жара не становилась нестерпимой. Во время одной из таких прогулок он и увидел впервые этого старого человека, в тот момент разворачивающего свой молитвенный коврик. С тех пор он часто встречал его, но тот ни разу не заговорил с ним.

Но в это жаркое утро, совершая привычную прогулку и направляясь вдоль борта к корме, где стоял человек в белых одеждах, Эдгар неожиданно почувствовал слабость в коленях. Я боюсь, подумал он и тут же принялся убеждать себя, что нынешнее утро ничем не отличается от предыдущих, хотя уже знал, что обманывает себя. Серьезность, с которой капитан говорил об этом человеке, была слишком несвойственной для этого веселого моряка. На какое-то мгновение Эдгару показалось, что он сам выдумал вчерашний разговор, что на самом деле капитан простился с ним еще в кают-компании и он поднялся на палубу уже один. Или, подумал он, сделав еще несколько шагов, капитан знал, что они должны познакомиться, новый путешественник и рассказчик. Возможно, именно таковы непреложные законы повествования, которые не дано обойти никому.

Эдгар обнаружил, что уже стоит рядом со стариком.

– Прекрасное утро, сэр, – проговорил он.

Старик кивнул. У него было смуглое лицо и борода под цвет одежд. Эдгар не знал, что говорить дальше, но заставил себя остаться у поручней. Старик молчал. Волны разбивались о нос корабля, но их плеск не был слышен за гулом паровых машин.

– Ты впервые в Красном море, – сказал старик, его голос оказался глубоким, с незнакомым акцентом.

– Да, это так, честно говоря, я первый раз уехал за пределы Англии...

Старик прервал его.

– Я должен видеть твои губы, когда ты говоришь, – сказал он. – Я глухой.

Эдгар повернулся к нему.

– Простите, я не знал...

– Твое имя?

– Дрейк... Вот... – Он сунул руку в карман и вытащил одну из визитных карточек, которые заказал специально для поездки.

Эдгар Дрейк

Настройщик фортепиано. Специализация “Эрар”

Франклин-Мьюз, 14

Лондон

Вид маленькой карточки с затейливо выписанными буквами в морщинистой руке старца неожиданно привел его в смущение. Но старик поднял глаза, и Эдгар увидел в них заинтересованность, граничащую с удивлением.

– Английский настройщик. Человек, который должен понимать звуки. Хочешь услышать историю, мистер Эдгар Дрейк? Историю глухого старика?

Тридцать лет назад, когда я был значительно моложе и не изуродован болезнями старости, я служил палубным матросом на этом самом маршруте, от Суэца до Баб-эль-Мандебского пролива. В отличие от теперешних пароходов, которые бороздят море напрямик, без остановок, мы ходили под парусами и пересекали море туда-сюда, от одного берега до другого, бросая якорь в многочисленных маленьких портах и на африканском, и на аравийском берегу, в городках с названиями вроде Фариз или Гомейна, Тектозу или Уивинив, многие из которых уже поглотили пески; там мы торговали с кочевниками, которые продавали ковры и горшки, найденные в покинутых городах пустыни. Я ходил по этому самому маршруту, когда наше судно попало в шторм. Это была старая посуда, и на ней вообще нельзя было выходить в море. Мы прошли рифы под парусами, но в корпусе открылась течь, и судно начало наполняться водой. Когда корабль почти полностью развалился, я упал, ударился головой и потерял сознание.

Когда я очнулся, то лежал на песчаном берегу, один, среди обломков судна, за которые я, должно быть, ухватился, на свое счастье. Вначале я не мог пошевелиться и испугался, что

меня парализовало, но потом обнаружил, что я всего лишь туго обмотан тканью собственной чалмы, которая, видимо, развернулась и обвила мое тело, как детская пеленка или покровы мумий, которые раскапывают в египетских песках. Потребовалось немало времени, чтобы я окончательно пришел в себя. Я был весь в синяках, и когда пытался вдохнуть, грудь пронзала боль. Солнце уже поднялось высоко, и мое тело покрылось соляной коркой, горло и язык пересохли и распухли. Бледно-синие волны плескались у моих ног и куска корабельной обшивки, на котором сохранились три первые арабские буквы от того, что когда-то было названием судна.

С трудом я выпутался из чалмы и повязал ее на голову. Я поднялся на ноги. Вокруг меня была ровная местность, но вдалеке виднелись горы, иссушенные и голые. Как любой человек, выросший в пустыне, я мог думать лишь об одном – о воде. От наших путешественников я знал, что на этом побережье часто встречаются заливы, образованные устьями небольших речушек, в большинстве из них вода солоноватая, но в некоторые, как говорили кочевники, впадают пресные потоки, берущие начало от подземных водоносных слоев или из снегов, выпадающих на вершинах дальних гор. Поэтому я решил двигаться вдоль берега в надежде найти такую речку. По крайней мере, морской берег не даст мне заблудиться, и возможно, мне повезет увидеть проплывающий мимо корабль.

Пока я шел, солнце поднималось над холмами, и я понял, что нахожусь на африканском побережье. Это открытие было простым, но пугающим. Каждый человек может потеряться, но редко оказывается так, что он не знает, по песку какого континента блуждает. Я не знал здешних языков, и эти места, в отличие от аравийского берега, не были мне знакомы. Но что-то не давало мне впасть в отчаяние – может быть, молодость, может быть, лихорадка, вызванная жалящим солнцем.

Не прошло и часа, как я достиг поворота береговой линии, где серебристая гладь моря вдавалась в песок. Я попробовал воду. Она была соленой, но неподалеку я увидел одинокую тонкую ветку, которую принесло течением, а на ней – один-единственный лист, сухой и дрожащий на ветру. Во время своих путешествий и общения с торговцами я узнал кое-что о растениях, ибо, когда мы останавливались в Фаризе и Гомейне, мы покупали у кочевников травы. И я понял, что этот одинокий лист принадлежит растению, которое мы называем *белайдур*, а берберы – *адиль-уучин*, его настой вызывает у выпившего грезы о будущем, а его ягоды делают глаза женщин большими и темными. Но в тот момент я мало думал о приготовлении настоя, а больше – о ботанике. Я знал, что трава *белайдур* дорогая, так как не растет на побережье Красного моря, а лишь далеко на западе, в лесистых горах. Это дало мне слабую надежду, что здесь были люди, а если так, то, возможно, здесь есть и вода.

И вот, поддерживаемый лишь этой надеждой, я направился прочь от моря, молясь о том, чтобы найти место, где растет *белайдур*, а вместе с ним и воду, которую пьют те, кто торгует этой травой.

Я шел весь оставшийся день и ночью. Я до сих пор помню луну, плывущую по небу. Она не была полной, но на ясном небе ничто не скрывало свет, льющийся на пески. Но я не помню, как я лег отдохнуть и заснул.

Я пробудился от негромкого постукивания пастушьего посоха и, открыв глаза, увидел двух юношей в набедренных повязках и ожерельях. Один из них склонился надо мной, с любопытством разглядывая мое лицо. Другой, помоложе, стоял позади него, заглядывая через плечо. В течение нескольких вдохов мы оставались в таком положении, ни один из нас не шевелился, мы только смотрели друг на друга, я – продолжая лежать на песке, он – присев на корточки и обхватив руками колени, заинтересованно и безбоязненно. Затем я медленно сел, не отводя взгляда от юноши. Я поднял руку и поприветствовал его на родном языке.

Юноша не шелохнулся. На краткий миг он отвел глаза от моего лица и взглянул на руку, но тут же снова поймал мой взгляд. Мальчик, стоявший позади, сказал ему что-то на языке, которого я не знал, и старший кивнул, все так же глядя прямо на меня. Он протянул свободную

руку назад, и младший мальчик достал из-за спины кожаный бурдюк и передал его старшему. Тот размотал тонкий шнурок, стягивавший бурдюк, и протянул его мне. Я поднес его к губам, закрыл глаза и начал пить.

Я так страдал от жажды, что мог бы выпить десять таких бурдюков. Но жара требовала умеренности – я не знал, где они берут воду и много ли ее вообще. Закончив пить, я опустил бурдюк и протянул его обратно старшему юноше, который завязал его, обвинив отверстие шнурком, не взглянув, сколько я выпил. Он поднялся и громко заговорил со мной, и хотя язык был незнакомым, но командный тон ребенка, наделенного ответственностью, нельзя было спутать ни с чем. Я ждал. Он заговорил снова, еще громче. Я показал на свои губы и покачал головой – так же, как сегодня я показываю на свои уши. Но тогда я еще не был глухим. Эта история еще впереди.

Юноша рядом со мной снова заговорил, громко и отрывисто, как будто раздосадованно. Он стукнул своим посохом о землю. Я выждал немного и медленно поднялся, чтобы показать, что я делаю это по своей воле, а не из-за его криков. Я не хотел позволять мальчишке командовать собой.

Встав, я впервые смог разглядеть окружающий нас пейзаж. Я заснул у воды, и не больше чем в тридцати шагах впереди я увидел небольшой ручей, с журчанием струящийся по камням, он впадал в залив, образованный устьем реки. У места впадения на камни взбирались бледные стебельки растений. Я остановился у ручья, чтобы вдоволь напиться. Юноши молча ждали, и вскоре мы отправились дальше, вверх по обрывистому склону, где жевала траву пара коз. Юноши погнали их вперед, и мы пошли вдоль высохшего русла, которое, должно быть, наполнялось во время дождей.

Было утро, но уже жарко, по обе стороны песчаной тропинки поднимались стены каньона, усиливавшие жар и звук наших шагов. Голоса юношей, разговаривавших с козами, эхом отражались от каменных стен, порождая странные звуки, которые я живо помню до сих пор. Теперь, когда я стал стар, я не знаю, объяснялось ли это физическими свойствами каньона или так мне кажется потому, что менее чем через два дня я перестал слышать вообще.

Мы шли по каньону несколько миль, до тех пор, пока за поворотом, в точности похожим на сотню других, которые мы миновали, козы не начали карабкаться по явно ведомой им крутой тропке. Юноши последовали за ними, их сандалии отыскивали крохотные уступы в стене, на которых, как мне казалось, было невозможно удержаться. Я изо всех сил старался не отставать, но все же соскользнул, ободрав колено, прежде чем смог зацепиться руками и подтянуть себя обратно на тропу, по которой они так непринужденно взбирались. Наверху я не забыл остановиться, чтобы осмотреть поврежденную ногу. Ранка оказалась небольшой и поверхностной и уже подсохла на солнце. И все равно я запомнил это – не из-за самого действия, а из-за того, что произошло потом. Ибо, когда я посмотрел наверх, я увидел, как юноши бегут по пологому склону, погоняя перед собой коз. Перед ними простиралось одно из самых поразительных видений, которые когда-либо открывались мне. На самом деле, порази меня слепота, а не глухота, я думаю, я был бы удовлетворен. Ибо ничто, даже грохочущий прибор Баб-эль-Мандеба, не могло сравниться со сценой, открывшейся передо мной; склон превращался в обширную пустынную равнину, тянущуюся до самого горизонта, стертого песчаными смерчами. А из этой густой пыли, поднимавшейся к небу в обманчивой тишине, знакомой каждому, кому приходилось на себе испытывать ярость такого вихря, выходили караван за караваном, со всех направлений, длинные темные вереницы лошадей и верблюдов, возникавшие из дымки, застилавшей долину, и тянувшиеся к шатрам, разбитым у подножия холма.

Там было уже, должно быть, несколько сотен шатров, а считая с подхлотившими караванами, их, возможно, стала бы не одна тысяча. Со своего наблюдательного пункта на вершине горы я озираю шатры. Я различил несколько видов. Островерхие белые шатры племени боро-бодо, их я часто видел в портах, куда мы заходили за верблюжьими шкурами. Приземистые, с

плоскими крышами, тенты юсов – воинственного племени, державшего в страхе южную часть Синая, печально знаменитого среди египтян своими нападениями на караваны, об их жестокости ходили такие легенды, что суда часто отказывались бросать якорь, если видели поблизости на берегу их шатры. Жилища ребезов, арабского племени, которые выкапывают ямы в песке, а затем накрывают их крышей из шкур, а у порога втыкают длинные шесты, чтобы их могли найти, если и дом, и его обитателей занесет песком. Однако, кроме этих, большинство конструкций были мне неизвестны, и я понял, что, видимо, их владельцы пришли откуда-то из внутренних районов Африки.

Я услышал резкий свист снизу. На полпути от меня до шатрового города старший юноша кричал и размахивал посохом. Я побежал к нему и вскоре нагнал своих провожатых, и мы прошли оставшуюся половину склона вместе. Мы миновали группу подростков, занятых какой-то игрой с палками и камнями, и мои попутчики обменялись с ними приветственными возгласами. Я заметил, что они задирали носы и часто указывали на меня. Похоже, в их глазах я представлялся ценной находкой.

Мы прошли мимо крайних шатров, у которых были привязаны верблюды. Через неплотно закрытые пологи у входов был виден огонь очагов, но никто не вышел, чтобы поприветствовать нас. Пройдя еще дальше, я заметил, что в проходах между жилищами стало оживленнее. Я шел мимо кочевников с лицами, закрытыми капюшонами, темнокожих африканцев, облаченных в прекрасные меха, женщин под покрывалами, которые смотрели на меня и быстро опускали глаза, если замечали, что я смотрю на них. В этой разношерстной толпе мой вид никого не удивлял. Дважды я слышал арабскую речь, но стыд за свой потрепанный вид и поспешность моих провожатых не позволяли мне остановиться. Мы миновали несколько костров, рядом с которыми в клубах дыма проступали силуэты музыкантов, игравших незнакомые мне мелодии. Мальчики ненадолго остановились у одного такого костра, и я услышал, как старший шепчет какие-то слова, повторяя за певцами. Потом мы повернули и снова оказались среди шатров и песка. Наконец мы добрались до большого круглого шатра с почти плоской крышей, лишь слегка поднимавшейся к центру, где из отверстия тянулся дымок и был виден отсвет огня на фоне темнеющего неба. Юноши привязали коз к столбику у шатра, рядом с парой верблюдов. Затем они откинули полог и вошли внутрь.

Прежде чем я сумел разглядеть сидевших у огня людей, я был пригвожден к месту ароматом, поднимавшимся от центрального очага. Только мой голод может служить извинением за то, что я заметил жарящееся на углях мясо раньше, чем хозяев. Это была нога козы, еще сочившаяся кровью, капли которой, шипя, скатывались в очаг. Юноши, которые привели меня, быстро что-то рассказывали, показывая в мою сторону. Они обращались к сморщенной старухе, которая полулежала на постели, накрытой тонким верблюжьим одеялом, у боковой стенки шатра. Ее волосы были туго повязаны тонким прозрачным платком, отчего голова напоминала голову пустынной черепахи. Она держала возле рта длинную трубку и периодически затягивалась ею с отсутствующим видом. Юноши кончили говорить, и некоторое время старуха продолжала молчать. Наконец она кивнула им, они поклонились и поспешно переместились на другую сторону шатра, где уселись на ковер, подтянув колени к подбородку, и уставились на меня. В шатре были и другие люди, кажется, с десятков молчаливых лиц.

– Ты пришел издалека, – сказала женщина-черепаха.

Я был поражен.

– Вы говорите по-арабски? – спросил я.

– Достаточно, чтобы вести торговлю. Садись, прошу.

Она кивнула молодой девушке, сидевшей у входа. Та вскочила и принесла небольшой коврик, который расстелила для меня на песчаном полу. Я сел.

– Мои внуки сказали, что нашли тебя у берега Красного моря.

– Правильно. Они дали мне напиток и тем спасли мне жизнь.

– Как ты оказался там? – Ее голос был суровым.

– Кораблекрушение. Корабль шел из Суэца в Баб-эль-Мандеб, случился шторм, корабль пошел ко дну. Я не знаю, что с остальными, но боюсь, что все они погибли.

Женщина-черепаха повернулась к сидящим в шатре и заговорила с ними. Они закивали и начали быстро что-то обсуждать.

Когда она замолчала, я снова заговорил:

– Где я?

Старуха покачала головой. Я заметил, что ее глаза двигаются как будто независимо один от другого, это создавало странное впечатление, что она одновременно изучает меня и следит за тем, что происходит в шатре.

– Это опасный вопрос, – сказала она. – Многие и так уже считают, что слухи о явлении разошлись слишком далеко, а если будет собираться слишком много людей, Она не появится. Тебе повезло, что ты попал ко мне. Здесь есть люди, которые убили бы тебя не задумываясь.

При этих словах старухи мое облегчение от того, что я оказался среди людей, смыло волной тошнотворного ужаса.

– Я не понимаю, – проговорил я.

– Не спрашивай слишком о многом. Ты пришел в удачный момент. Астрологи банту объявили, что, возможно, завтра появится Она и споет свою песнь. И тогда ты получишь ответы на все свои вопросы. – С этими словами она снова поднесла ко рту трубку и повернула сначала один, потом другой глаз обратно к огню.

За весь оставшийся вечер никто не сказал мне ни слова. Я отдал должное жареной козляной ноге и сладкому нектару, а потом заснул перед огнем.

На следующее утро, проснувшись, я обнаружил, что шатер пуст. Я помолился, а затем приподнял полог и вышел на жару. Солнце висело посередине неба – я был так измучен, что проспал до полудня. Верблюды были все так же привязаны у шатра, но коз не было. Я вернулся в шатер. У меня не было воды, чтобы умыться, но я как мог расправил и разгладил ладонями свою чалму. Потом снова вышел наружу.

Между шатрами было почти пусто – видимо, все попрятались от солнца. Я увидел группу мужчин, седлающих верблюдов, а неподалеку от них – девушек в ярких голубых одеждах, перемальвающих зерно. Ближе к краю лагеря я заметил вновь прибывших, некоторые, видимо, приехали на заре и еще не развернули свои шатры, уложенные на спинах терпеливых верблюдов. Я дошел до края стойбища, где шатровый город неожиданно заканчивался и на земле была линия, которую многие племена проводят как ритуальную границу между стоянкой и пустыней. Вдаль тянулись нетронутые пески. Я вспомнил слова старухи. Давным-давно, когда я был еще ребенком, я вместе с братом поехал в Аден, где мы провели ночь среди бедуинов. Они говорили на собственном наречии, но я кое-что понимал, так как все мое детство прошло на базарах, среди торговцев, где можно было услышать самое великое множество языков. Я помнил, как мы присоединились к одному из семейств у огня и их старейшина рассказывал историю о месте, где собираются все племена. При свете костра он в подробностях описал каждое племя, одежды, которые они носят, их обычаи, их скотину, даже цвет их глаз. Я был очарован этим рассказом и в какой-то момент ночи заснул, не дослушав его до конца, и проснулся, только когда мой брат растолкал меня и мы заползли обратно в шатер. Сейчас, на краю пустыни, воспоминание о рассказе старца вернулось ко мне смутным ощущением, как давний сон.

Вдалеке, за невысокой дюной, я заметил мелькнувшую на ветру красную ткань. Это было краткое видение, как полет вспорхнувшей птицы, но такое нечасто увидишь в пустыне, поэтому я не смог побороть любопытство. Я переступил черту – тогда обычай проводить ее казался мне предрассудком неверных, однако теперь я не так в этом уверен. Я взобрался на дюну и спустился на песчаную равнину с другой стороны. Там никого не было. Я почувствовал

чье-то присутствие за своей спиной и обернулся. Это была женщина. Она была всего лишь на ладонь ниже меня ростом и стояла, прикрываясь красной чадрой, глядя на меня. Судя по ее смуглой коже, она принадлежала к какому-то из эфиопских племен, но тут, пока я продолжал разглядывать ее, она обратилась ко мне:

– *Салаам алейкум.*

– *Ва алейкум ал-салаам,* – ответил я. – Откуда ты?

– Из той же земли, что и ты, – ответила она, но выговор ее был странен.

– Значит, ты далеко от родных мест.

– Так же, как и ты.

Я стоял молча, зачарованный мягкостью ее голоса и ее взгляда.

– Что ты делаешь одна среди песков? – наконец спросил я.

Она долго ничего не отвечала. Мои глаза от покрывала переместились на ее тело, скрытое плотной красной тканью, которая исключала любые догадки о том, что находится под ней. Подол одеяния спадал до земли, и ветер уже занес его тонким слоем песка, и поэтому казалось, что она выросла из самой дюны. Тут она снова заговорила.

– Я должна принести воды, – проговорила она и взглянула на глиняный сосуд, который держала у бедра. – Я боюсь заблудиться в песках. Не можешь ли ты пойти со мной?

– Но я не знаю, где здесь вода, – возразил я, пораженный смелостью ее предложения и тем, как близко она стояла ко мне.

– Я знаю, – сказала она.

Но никто из нас не двинулся с места. Я никогда не видел глаз такого цвета, как у нее, – не темно-карего, как у женщин из моих родных мест, но более мягкого, светлого оттенка, напоминавшего цвет песка. Ветер накручивал вокруг нас свой танец, играя ее чадрой, и на мгновение мне открылись черты ее лица, они поразили меня, но я не успел понять чем, ибо не успел я моргнуть, как они снова скрылись.

– Пойдем, – сказала она, и мы пошли.

Вокруг нас взвивались вихри, нам в лица летели песчинки, жаля, как тысячи иголок.

– Может быть, лучше вернуться, – сказал я, – а то мы попадем в бурю и потеряемся.

Она шла вперед.

Я остановил ее. Ветер усиливался.

– Давай вернемся. Слишком опасно оставаться здесь одним.

– Мы не можем вернуться, – сказала она. – Мы здесь чужие.

– Но буря...

– Оставайся со мной.

– Но...

Она повернулась ко мне:

– Ты испугался.

– Я не испугался. Но я знаю пустыню. Мы можем пойти позже.

– Ибрагим, – сказал она.

– Это мое имя.

– Ибрагим, – повторила она и сделала шаг ко мне.

Мои руки бессильно повисли вдоль тела.

– Откуда тебе известно мое имя?

– Тише, – сказала она. – Сейчас пески остановятся.

И действительно, ветер внезапно стих. Мелкие песчинки еще дрожали в воздухе, как крошечные небесные тела. Они висели в пространстве, не двигаясь, небо, видимое сквозь их пелену, словно выщвело добела, горизонт стерся, и пропало все, кроме нее.

Она подошла ко мне еще ближе и опустила кувшин на землю.

– Ибрагим, – повторила она и подняла чадру с лица.

Я никогда еще не видел ничего столь же прекрасного и одновременно столь же пугающего. Она глядела на меня глазами женщины, но нижняя часть лица дрожала, как мираж, и это был нос и рот не женщины, а лани, с кожей, покрытой нежной шерсткой. Я не мог выговорить ни слова, но тут раздалось завывание ветра и пески снова задвигались, крутятся вокруг нас, стирая ее очертания. Я закрыл лицо руками.

И тут пески снова остановились.

Я аккуратно опустил руки. Я был один, словно подвешенный среди туч песка. Мои глаза не знали, на чем остановиться, я не знал, в каком направлении находится небо или земля.

– *Салаам*, – прошептал я.

И тогда неизвестно откуда послышалось женское пение.

Песнь началась тихо, и сначала я даже не понял, что это за звук. Он был низким и томным, песнь лилась, как вино, запретное и отравляющее, ничего подобного мне не приходилось слышать до этого. Я не понимал слов, и мелодия была для меня совершенно чужой. И все же в ней было что-то столь сокровенное, что я испытал жгучий стыд, будто меня лишили одежды.

Завывания бури стали еще громче, и песок снова начал вращаться вокруг меня. Сквозь песчаные смерчи мне виделись разные, мгновенно сменяющие друг друга образы. Кружащиеся птицы, лагерь, шатры, быстро опускающееся к горизонту солнце, сверкающее, превращающее пустыню в огромный пожар, в огонь, бегущий по дюнам, охвативший все кругом, но потом отступивший и оставивший лишь разбросанные лагерные костры. Внезапно опустилась ночь, и вокруг костров собрались караванщики, танцоры, музыканты, барабанщики, тысячи инструментов стенали, как пески на ветру, их звучание усиливалось, становясь громче и пронзительнее, передо мной возник заклинатель змей, играющий на своей дудке, его змеи показались из корзин и обвилились вокруг его ног. Танцевали девушки с гибкими телами, умащенными маслом и благовониями, блестящими в свете костров, и тут я понял, что вижу великана, покрытого шрамами, похожими на звезды, и татуировками, по которым можно было прочесть целые истории, а потом шрамы превратились в людей, одетых в шкуры ящериц, и детей, вылепленных из глины, и они танцевали, пока фигурки детей не разбились вдребезги. А потом снова наступил день и видения исчезли. Остался только песок и вопль, который внезапно оборвался. Я поднял ладони к лицу и прокричал:

– Кто ты?

Но я больше не слышал собственного голоса.

Я ощутил прикосновение руки к своему плечу и, открыв глаза, увидел, что лежу на морском берегу, ноги мои наполовину погружены в воду. Рядом со мной на корточках сидел человек. Я видел, как шевелятся его губы, но не слышал, что он говорит. Тут же на берегу стояли еще несколько людей, тоже разглядывающих меня. Человек снова начал говорить, но я не слышал ничего – ни его слов, ни плеска волн, перекатывающихся через мои ноги. Я показал на свои уши и покачал головой.

– Я не слышу вас, – сказал я, – я оглох.

К нам приблизился другой мужчина, и они вдвоем подняли меня на ноги. У них была маленькая лодка, ее нос зарылся в песок, а корма качалась на волнах. Они довели меня до лодки, и мы сели в нее. Если они и говорили что-то еще, я все равно не мог их слышать. Они взяли весла и погребли к ожидающему кораблю, по вымпелам которого я догадался, что это торговый парусник из Александрии.

На протяжении всего рассказа глаза старика оставались прикованы к лицу Эдгара. Теперь он повернулся к морю.

– Я рассказывал эту историю многим, – сказал он. – Потому что хочу найти другую душу, которая слышала песнь, сделавшую меня глухим.

Эдгар легонько коснулся его руки, чтобы он повернулся и видел его губы.

– Откуда вы знаете, что это был не бред? Не следствие удара головой во время крушения? Нет таких песен, которые бы делали человека глухим.

– О, хотел бы я, чтобы это был бред. Но это исключено. Луна изменила фазу, и, судя по календарю на судне, подобравшем меня, который я увидел на следующее утро, с момента крушения моего корабля прошло двадцать дней. Но я и так знал это, потому что той ночью, раздеваясь перед сном, я заметил, насколько стерлись мои сандалии. А я купил новую пару в Ревеше, нашем последнем порту захода до крушения.

К тому же, – продолжал он, – я не считаю, что сама песня стала причиной глухоты. Я думаю, что после того, как я услышал нечто настолько прекрасное, мои уши просто перестали воспринимать звуки, потому что знали, что им никогда больше не услышать ничего столь же совершенного. Не знаю, имеет ли это смысл для настройщика струн.

Солнце было уже высоко, Эдгар чувствовал, как оно печет ему лицо. Старик продолжал говорить:

– Моя история окончена, а больше мне не о чем рассказывать, ибо точно так же, как не могло быть никаких звуков после этой песни, для меня не может быть и никакой иной истории после этой. А сейчас мы должны пойти внутрь, потому что солнце знает, как свести с ума даже самого трезвомыслящего человека.

Они продолжали плавание через Красное море. Вода стала светлее, и они прошли через Баб-эль-Мандебский пролив и видели теперь берега, омываемые водами Индийского океана. Они бросили якорь в аденском порту, который был заполнен пароходами, чьи пути лежали во все концы света, а в тени их бортов сновали юркие арабские лодчонки под треугольными парусами. Эдгар Дрейк стоял на палубе и разглядывал порт и людей в длинных одеждах, спускавшихся и поднимающихся по корабельному трапу. Он не видел, как Человек Одной Истории сошел на берег, но когда взглянул на место, где всегда сидел старик, то обнаружил, что его уже нет.

5

Теперь путешествие стало более быстрым. Через два дня начала постепенно показываться новая земля, давая о себе знать как будто исподволь, маленькими, поросшими лесом островами, которые пунктиром очерчивали берег, как отбитые от него кусочки. Островки были сумрачными и зелеными, Эдгар не мог разглядеть ничего сквозь густую листву и размышлял, живет ли здесь кто-нибудь. Он спросил об этом одного из попутчиков, гражданского чиновника на пенсии, который рассказал ему, что на одном из этих островов находится храм под названием Элефанта, где индусы поклоняются Многоручному Слону.

– Это странные места, богатые суевериями, – сказал попутчик, но Эдгар ничего не ответил ему.

Когда-то, в Лондоне, он настраивал “Эрар” богатому индийскому банкиру, сыну магараджи, который показал ему стоящий на полке над роялем алтарь, посвященный многоручному слону, похожий на миниатюрную часовенку. Он слушает песни, сказал индус, и Эдгару понравилась такая религия, где боги наслаждаются музыкой и фортепиано может быть использовано для молитвы.

Еще быстрее. Сотни маленьких рыбацких лодчонок, долбленок, плотов, джонок, одномачтовых арабских корабликов толпятся в устье бомбейской гавани, расступаясь перед нависающим над ними корпусом парохода. Пароход медленно вползает в порт и подходит к причалу, втискиваясь между двумя торговыми кораблями поменьше. Пассажиры сходят на берег, где их уже ждут экипажи, принадлежащие пароходству, которые должны отвезти их на железнодорожную станцию. На прогулку по улицам времени нет, одетый в форму представитель пароходства говорит, что поезд ждет, ваш пароход опоздал на сутки. Был сильный ветер. Они про-

ходят через задние ворота станции. Эдгар ждет, пока разгрузят и снова погрузят его багаж. Он следит внимательно: если пропадут его инструменты, найти здесь другие будет невозможно. В дальнем конце станции, где стоят вагоны третьего класса, он видит людское месиво, выплескивающееся на платформу. Кто-то берет его за руку, провожает до поезда и показывает место, и скоро они снова в движении.

Еще быстрее, мимо окон проплывают платформы, и Эдгар разглядывает толпу, подобной которой не видел нигде, даже на беднейших улицах Лондона. Поезд набирает скорость, несется мимо трупов, прилепившихся к самой железнодорожной насыпи, дети в рассыпную убегают от паровоза. Эдгар прижимается лицом к стеклу, чтобы лучше рассмотреть построенные без всякой системы лачуги, облезлые бараки со стенами, побелевшими от плесени, но с крылечками, увитыми растениями, и каждый проулок заполнен людьми, все торопятся куда-то, но обязательно останавливаются и провожают поезд взглядом.

Поезд мчался все дальше вглубь континента. Насик, Бхусаваль, Джабалпур – названия городов звучали все необычнее и, как казалось Эдгару, все мелодичнее. Они пересекли пустынное плато, где от рассвета до заката было не встретить ни одной живой души.

Время от времени они останавливались, паровоз тормозил, медленно втягивая вагоны на избитые ветрами одинокие полустанки. Там, появляясь из дрожащего марева, у поезда собирались бродячие торговцы, прилипали к окнам, просовывали благоухающие блюда карри, кисло пахнущие лаймы и бетель, поделки из самоцветов и перьев, открытки с изображениями крепостей, верблюдов и индуистских богов, фрукты и пыльные леденцы, плошки для подаяния, грязные треснутые горшки с одинокими монетками на дне. Товары и голоса осаждали окна, купите, сэр, пожалуйста, купите, сэр, это вам, только для вас, и поезд снова трогался, а некоторые продавцы, обычно те, что помоложе, цеплялись за него и, смеясь, отказывались слезать, пока в дело не вмешивался полицейский с дубинкой. Иногда им удавалось проехать достаточно далеко, и они спрыгивали, лишь когда поезд набирал слишком большую скорость.

Однажды ночью Эдгар проснулся в тот момент, когда поезд въезжал на маленькую темную станцию где-то к югу от Аллахабада. Вдоль путей протянулись бараки, сквозь распахнутые окна которых можно было различить тесно прижавшиеся друг к другу тела. Платформа была почти пуста, не считая малочисленных торговцев, которые проходили мимо и заглядывали в окна, пытаясь разглядеть, кто из пассажиров не спит. Один за одним они останавливались у окна Эдгара, манго, сэр, для вас, не желаете ли почистить ботинки, сэр, просто выставьте их в окно, самса, очень вкусно, сэр. Неудачное место для чистильщика обуви, подумал Эдгар, и тут перед окном остановился молодой парень. Он ничего не говорил, только заглянул внутрь и ждал. В конце концов Эдгар почувствовал себя неуютно под взглядом молодого человека. Что ты продаешь? – спросил он. Я бродячий поэт, сэр. Бродячий поэт? Да, сэр, всего одна анна¹⁰, и я прочту вам поэму. Какую поэму? Любую, сэр, я знаю их все, но для вас у меня есть одна особая, это древняя поэма, она бирманская, там она называется “История о путешествии *лейп-бья*”, но я дал ей название “Дух-бабочка”, потому что я сам переделал ее, всего одна анна. Тебе известно, что я еду в Бирму, откуда? Мне известно, потому что я знаю направление течения историй, мои поэмы – дочери прорицания. Вот тебе анна, давай скорее, поезд трогается. И это действительно было так, паровоз запыхтел, колеса стронулись с места. Рассказывай быстрее, сказал Эдгар, неожиданно ощутив приступ паники. Ты же не случайно выбрал мой вагон. Поезд ускорял ход, волосы юноши развевались по ветру. Это история о снах, прокричал он, все эти истории – о снах. Еще быстрее, и Эдгар услышал другие голоса, эй, парень, слезай с поезда, ты, безбилетник, прыгай сейчас же, и Эдгар уже хотел крикнуть в ответ, но за окном промелькнула фигура полисмена в тюрбане, припустившегося бегом, и взмах дубинки, и парень сорвался и исчез в ночи.

¹⁰ Анна – мелкая индийская монета, 1/16 рупии.

Местность понизилась и сделалась лесистой, и скоро их путь встретился с путем Ганга, они миновали священный город Бенарес, где на рассвете, пока пассажиры еще спали, люди просыпались, чтобы окунуться в речные воды и вознести молитвы. Через три дня они добрались до Калькутты и снова пересели в экипажи, которые, с трудом прокладывая себе дорогу сквозь скопища людей, повезли их в порт. Там Эдгар погрузился на новый корабль, на этот раз меньшего размера, потому что тех, кто добирался до Рангуна, было уже не так много.

Снова заворчали паровые машины. По мутным водам устья Ганга они вышли в Бенгальский залив.

Над головами кружили чайки, а воздух был плотным и влажным. Эдгар отдирает рубашку от тела и обмахивался шляпой. На юге собирались грозовые тучи, ждущие своего часа. Калькутта скоро скрылась за горизонтом. Бурные воды Ганга, встречаясь с морем, закручивались спиральями водоворотов и, откладывая на дне принесенный ил, постепенно светлели и исчезали, растворяясь в синеве.

Из путеводителя он узнал, что до прибытия в Рангун осталось всего три дня. Он снова начал читать. В дорожной сумке была целая куча бумаг, которыми в равной степени снабдили его Катерина и Военное министерство. Он читал военные сводки и газетные вырезки, личные отчеты и главы из географических справочников. Он с усердием штудировал карты и пытался запомнить несколько фраз по-бирмански. Был среди прочих бумаг и конверт, надписанный: «Настройщику, вскрыть только по прибытии в Маэ Луин, Э. К.». На протяжении всего пути, с самого отъезда из Англии, Эдгар испытывал искушение вскрыть его и сдерживался только из уважения к доктору; наверняка у Кэррола были веские причины, по которым он просил его не торопиться. Еще были два длинных документа с изложением истории Бирмы и народа шанов. Первый он начал читать еще в своей мастерской в Лондоне и продолжал постоянно обращаться к нему. Его с самого начала пугало обилие незнакомых и непривычных имен. Сейчас он вспомнил, что другой документ, написанный самим Энтони Кэрролом, был как раз из тех, что Катерина советовала ему прочесть. Он сам удивился, что не вспомнил об этом раньше, и взял бумаги с собой в постель. С самых первых строк ему стало понятно, насколько он не похож на другие.

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ ШАНСКИХ ПЛЕМЕН С ПОДРОБНЫМ АНАЛИЗОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВОССТАНИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ ШАН

Составлено майором медицинской службы

Энтони Кэрролом,

Маэ Луин, южные территории Шан

(Примечание Военного министерства: пожалуйста, примите во внимание, что обстоятельства, рассмотренные в данном отчете, могут изменяться. Всем заинтересованным сторонам рекомендуется следить за изменениями и дополнениями нижеприведенных сведений, которые можно получить по запросу в Военном министерстве.)

1. Краткая история народа шан

Если спросить жителя Бирмы о географии его страны, вероятно, первым делом он расскажет о *нга-хлын*, четырех великанах, живущих под землей. Как это ни печально, рамки официального документа не оставляют места для таких подробностей. Тем не менее понять историю народа шан невозможно без хотя бы краткого рассмотрения черт их родной земли. Область, которую в последнее время принято называть Шанскими княжествами, представляет собой обширное плато, поднимающееся довольно высоко к востоку от пыльной центральной долины реки Иравади. Это необъятная зеленая равнина, истинные поля блаженства, простирающиеся

на севере до границ Юннаня, а на востоке – до Сиама. Через это плато текут полноводные реки, заворачивая к югу, как хвосты гималайского дракона. Самая крупная из них – река Салуин. Важность этих географических особенностей для исторического развития (а следовательно, и для современной политической ситуации) объясняется близостью шан к другим племенам, населяющим плато, и одновременной изолированностью от низинных бирманцев. Я хотел бы обратить внимание на постоянно возникающую терминологическую путаницу, которая обусловлена тем, что название “Бирма” относится к стране, которую, кроме самих бирманцев, населяют и другие весьма многочисленные народы, самыми крупными среди которых являются качины, карены и шаны. У каждого из этих основных народов в свое время было собственное королевство, причем нередко не одно, в границах того, что мы на сегодняшний день называем Бирмой. Поэтому, говоря о “бирманцах”, всегда требуется уточнять, идет ли речь об отдельной этнической группе или о жителях страны в целом. Невзирая на то что сейчас каждый из этих народов переживает период мучительных внутренних раздоров и размежеваний, они все равно продолжают упорно не признавать “постороннюю”, на их взгляд, власть и ее законы. Как станет ясно из продолжения данного отчета, бунт шанов против британского правления является логическим продолжением изначального бунта против бирманского короля.

Шаны, которые сами называют свой народ “тай”, или “таи”, имеют общность происхождения и исторической судьбы со своими восточными соседями – племенами Сиама, Лао и Юннаня. Шаны считают своей прародиной Южный Китай. Хотя некоторые ученые выражают сомнение по этому поводу, имеется достаточно свидетельств того, что к концу двенадцатого столетия, периода монгольских завоеваний, тайцами было основано несколько королевств. К ним относится легендарное королевство Ксипсонганна, название которого переводится как “королевство десяти тысяч рисовых полей”, древняя сиамская столица в Сухотае и – что наиболее важно в связи с предметом данной справки – два королевства в пределах современной Бирмы: Тай Мао на севере и Ава в районе нынешнего Мандалая. Это были действительно весьма могущественные королевства; шаны правили большей частью территории Бирмы на протяжении трех веков, начиная с падения великой бирманской столицы, Пагана (исполинские храмы которого, иссеченные ветрами и ливнями, до сих пор стоят, как одинокие стражи, по берегам Иравади), во второй половине тринадцатого века и вплоть до 1555 года, когда бирманское государство Пегу возвысилось и поглотило шанскую империю Авы. Итогом последующих трехсот лет истории стало бирманское королевство, которое мы можем видеть сегодня.

После падения шанского королевства Ава в 1555 году и разрушения королевства Тай Мао китайцами в 1604-м они распались на мелкие княжества, подобно осколкам некогда прекрасной фарфоровой вазы. Эта раздробленность продолжает оставаться характерной чертой политического и общественного устройства в шанских землях и по сей день. Однако, несмотря на это разделение, шаны периодически объединялись, чтобы поднять восстание против общего врага – Бирманского королевства. Среди особенно мощных выступлений можно назвать бунт в Хантавади в 1564 году или, из более недавних, волнения, последовавшие за казнью одного из народных вождей в северном шанском городе Хсенви. Хотя эти события могут показаться не более чем воспоминаниями давно минувших дней, их значение нельзя недооценивать, потому что в период войн эти легенды вновь возникают словно бы ниоткуда и распространяются по плато, как пожар после продолжительной засухи, звучат у лагерных костров и шепотом рассказываются стариками собравшимся в круг большеглазым ребятишкам.

Результатом такого разделения стало развитие уникальных политических структур, которые необходимо рассмотреть подробно, так как они играют серьезную роль в сегодняшней ситуации. Шанские княжества (которых к 1870-м годам насчитывалось сорок одно) демонстрируют высочайший уровень сложности политической организации, осуществляемой через строгую иерархию системы местного права. В каждом из княжеств, на языке шан называемых *муанг*, правит *саубва* (транслитерация бирманского слова, которой я буду пользоваться

далее в этом отчете). В непосредственном и полном подчинении *саубве* находятся более мелкие подразделения, от округов до групп поселений и отдельных деревушек. Такая фрагментарная структура управления зачастую становится причиной междоусобных войн на плато Шан и обуславливает неспособность объединиться, чтобы сбросить бирманское иго. Здесь аналогия с разбитой вазой становится более чем уместна: точно так же, как отдельные куски фарфора не могут удержать воду, так и фрагменты правительственной структуры мало способны контролировать нарастающую анархию. В результате большая часть сельскохозяйственных земель шанов оказалась в руках банд *дакоитов* (слово из хинди, обозначающее разбойников). Это еще одна серьезная проблема, с которой необходимо справиться администрации этого региона, помимо организованного движения сопротивления, известного как Лимбинский Союз, о котором пойдет речь во втором разделе этого доклада.

II. Лимбинский Союз, Твет Нга Лю и положение дел на настоящий момент

В 1880 году возникло организованное шанское сопротивление бирманской власти, которое существует до сегодняшнего дня. (Не забывайте о том, что в то время Англия контролировала лишь Нижнюю Бирму. Верхняя Бирма и Мандалай оставались под властью бирманского короля.) В том году *саубвы* княжеств Монгнай, Локсок, Монгпаун и Монгнаунг отказались явиться ко двору короля Тибо на торжественную новогоднюю церемонию для выражения почтения. Отряд, посланный Тибо, не смог захватить *саубв*-зачинщиков. Затем, в 1882 году, отношения еще более обострились. *Саубва* Кенгтунга организовал удавшееся нападение на бирманского представителя в Кенгтунге. Вдохновленный смелым примером *саубвы* Кенгтунга, *саубва* Монгнай со своими союзниками подняли открытый бунт. В ноябре 1883 они атаковали бирманский гарнизон в Монгнае, убив четыреста человек. Но успех был непродолжительным. Бирманцы контратаковали, вынудив восставших шанских вождей бежать в Кенгтунг, за рекой Салуин, где они укрылись в глубоких ущельях и непроходимых джунглях.

Хотя восстание было поднято непосредственно против бирманского правительства, оно не преследовало цели обретения Шанскими княжествами независимости – факт, который обычно остается недопонятым. Шанские *саубвы* прекрасно понимали, что без сильной центральной власти их территории окажутся в состоянии перманентной войны. Их основной целью было свержение Тибо и коронация сюзерена, который отменил бы налог *тхатхамеда* – налог на землю, который они считали несправедливым. В качестве своего кандидата они выбрали бирманца, известного как принц Лимбина, изгнанного и лишеного прав отпрыска дома Алаунгпайя, правящей династии. Поэтому союз восставших и получил название Лимбинского Союза. В декабре 1885 года принц Лимбина прибыл в Кенгтунг. Хотя движение получило свое название в его честь, судя по всему, он является лишь подставным лицом, а настоящая власть должна была остаться в руках шанских *саубв*.

Тем временем, пока принц Лимбина карабкался по крутым безлюдным тропинкам плато, снова вспыхнула война между Верхней Бирмой и Британией – третья (и последняя) англо-бирманская война. Под Мандалаем бирманцы были разбиты нашими силами за две недели до того, как принц Лимбина прибыл в Кенгтунг, но из-за трудного и долгого пути между Мандалаем и Кенгтунгом эти новости дошли до Союза только после прибытия принца. Мы надеялись, что Лимбинский Союз сложит оружие и подчинится нам, но вместо этого восставшие поменяли свою основную цель и объявили войну Британской Короне за независимость Шанских государств.

Говорят, что природа не терпит пустоты; то же самое можно сказать и о политике. Действительно, отступление Лимбинского Союза в Кенгтунг в 1883 году оставило вакантными троны правителей многих влиятельных шанских *муангов*, которые были быстро заняты местными военачальниками. Среди этих захватчиков власти необходимо выделить военного по имени Твет Нга Лю, который стал фактическим правителем в Монгнае. Он был родом из Кенг-

таунга (не путать с Кентунгом – иногда создается впечатление, что шаны называют свои города специально так, чтобы запутать англичан), района, подчиненного Монгнаю, и первоначально был монахом, но затем лишился сана и стал местным бандитским вожаком, о чьей жестокости ходили легенды, получив прозвище Бандитский Вождь. Еще до того, как *саубва* Монгная бежал в Кентунг, Твет Нга Лю несколько раз пытался захватить Монгнай. Эти попытки оказались преимущественно неудачными, и Твет Нга Лю сменил тактику: отказавшись от открытых военных действий, он решил получить власть, женившись на вдове брата *саубвы*. Когда *саубва* бежал в Кентунг, Твет Нга Лю, при поддержке бирманских властей, полностью подчинил себе Монгнай.

Твет Нга Лю, как и прочие фактические узурпаторы, занимал свое место, пока в начале нынешнего 1886 года лимбинские силы не перешли в наступление и не отвоевали большую часть своих земель. Твет Нга Лю бежал к себе на родину, откуда продолжал свои жестокие разбойничьи походы, оставляя за собой полосу сожженных деревень. Их противостояние с *саубвой* Монгная представляет одну из самых больших проблем для установления мира в регионе. В то время как *саубва* пользуется уважением у своих подчиненных, Твет Нга Лю знаменит не только своими зверствами, но и славой мастером татуировок и амулетов; говорят, что все его тело покрыто сотнями амулетов, которые делают его неуязвимым и которые внушают всем страх и преклонение перед ним. (Краткая справка: подобные амулеты – важный аспект как бирманской, так и шанской культуры. Они могут быть любыми – от маленьких драгоценных камушков и ракушек до фигурок Будды – и вживляются под кожу через неглубокий разрез. Самый шокирующий вариант можно встретить среди рыбаков: камушки и колокольчики вживляются под кожу мужских половых органов; смысл и назначение этой практики автору пока не удалось разгадать.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.